

ВЫПУСК №1
СЕНТЯБРЬ 2022

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

БЕЛЫЙ АПЕЛЬСИН

ПРОЗА/ПОЭЗИЯ/
ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ/
ЛИТКАФЕ

**Литературный журнал «Белый
апельсин». Выпуск №1,
Сентябрь 2022**

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Главный редактор Сусанна Алтуфьева
Составитель обложки Людмила Яхина
Технический редактор Андрей Скрыль
Ведущий редактор Ольга Гриценко
Редактор Надежда Зайдуллина
Редактор Эрик Поладов
Администратор АСИТ Алексей Богомолов
Специалист тех. поддержки Роман Скрыль
Специалист по рекламе Кристина Комиссарова

Вы держите в руках современный литературный журнал, выпускаемый периодичностью 3–4 раза в год в электронном (PDF, Fb2, Epub) и бумажном формате А4 и А5, с печатью по технологии «Печать по требованию» и распространением на ресурсах издательских платформ.

16+

ISBN 978-5-0059-0152-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0059-0153-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

Литературный журнал «Белый апельсин». Выпуск №1, Сентябрь 2022

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА «БЕЛЫЙ
АПЕЛЬСИН»

Василий ЛЮБОШЕНКО

Александра СИТЛЕВА

Александр ПОЗДЕЕВ

Юлиана КОРОЛЁВА

Сергей КАСАТКИН

Александр ДОКУЧАЕВ

Роман БЕККУЛОВ

Яна КРИЧЕВСКАЯ

Андрей СКРЫЛЬ

Снежана ВАХТОМИНА

Владимир НЕПОМНЯЩИЙ

Владимир СТРЕЛКОВ

Олег ГОРШКОВ

Аделия ДАВЛЯТШИНА

Олег ТАЛАНОВ

Анна ЗЕМСКОВА-РЯБАЯ

Илья СМАКОВИЧ

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

ЛИТКАФЕ

В этом номере опубликованы работы следующих авторов:

Василий Любошенко, Александра Ситлева, Александр Докучаев, Александр Поздеев, Юлиана Королёва, Сергей Касаткин, Роман Беккулов, Яна Кричевская, Андрей Скрыль, Снежана Вахтомина, Владимир Непомнящий, Владимир Стрелков, Олег Горшков, Олег Таланов, Аделия Давлятшина, Анна Земскова-Рябая, Илья Смакович, Виктория Павлова.

Редакционная коллегия выражает особую благодарность

Виктории Павловой, Альберту Сысоеву, Фёдору Мезрину, Ксении Малышевой, Александру Скиндареву и Константину Зюзенко за внесённый вклад в создание и развитие журнала.

Внимание!

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных публикаций. Использование материалов журнала (частичная или полная перепечатка произведений, статей и иллюстраций, а также цитирование) возможно только с письменного разрешения редакции. Мнение редакции не всегда может совпадать с мнением авторов.

Контакты

white-orange.ru

vk.com/wh_orange

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА «БЕЛЫЙ АПЕЛЬСИН»

Творчество без времён и границ!

Вас приветствует главный редактор журнала!

«Белый апельсин» – новый литературный журнал, направленный на развитие и поддержание качественной русской литературы. Это наш пилотный выпуск, и мы рады приветствовать вас на его страницах.

«Ещё один журнал?» – спросите вы. Возможно. Но голос творчества всегда индивидуален и погружает читателя в такие разные, но всегда увлекательные миры. Каждый номер наполнен частичкой души писателей, их воображением.

Под его обложкой мы будем собирать идейные и сюжетные рассказы и поэзию, написанные с использованием лучших возможностей нашего богатого русского языка. Кроме того, опубликуем советы и уроки от мастеров в области литературы и драматургии. Напишем о тенденциях развития современного искусства, о «тайном» творчестве давно ушедших писателей и творчестве наших современников, а также познакомим вас с необычными идеями и находками редакции и рецензентов.

Наша миссия – донести до умов и сердец читателей творчество достойных, но малоизвестных авторов. Попасть в журнал может

и начинающий писатель, если пройдет отбор редакции, а его произведение будет соответствовать общей концепции журнала. У нас нет специализации на жанре, мы ищем достойные, свежие и нешаблонные идеи. Присоединяйтесь!

Добро пожаловать на странички нашего литературного журнала!

С уважением,

Главный редактор – Сусанна Алтуфьева

Предложения и работы для рецензирования можно высылать по адресу электронной почты editors.who@gmail.com.

www.vk.com/wh_orange

Наши контакты и товары в WhatsApp

ВАСИЛИЙ ЛЮБОШЕНКО

НЕОБХОДИМО

За окном шёл снег и рота гвардейцев великой и могучей страны Б.

А по другую сторону окна, в небольшом пыльном кабинете, возле письменного стола, располагалось тело такого же – уже бывшего – великого и могучего генерала первой группы армий с автоматическим пистолетом малоизвестной модели в руке и с глубокой дырой посередине лба. Я и мой помощник в окружении трёх недоумевающих тел генеральской охраны стояли в углу кабинета. Также нас сопровождала и вселяла в нас мужество горничная, которая сидела в противоположном углу и ритмично завывала, прижимая руки к лицу.

– Перекройте этот этаж! Быстро! – приказал я выглядящему наиболее адекватно охраннику.

– Сэр, этаж перекрыт! Тут же совещание штаба будет, – он покосился на тело, широко раскинутое на полу, – должно было...

– Так перекройте ещё сильнее! Чтобы ни одна живая душа не прошла! Включая солдат, командование, прислугу, даже чёртовых насекомых! И поинтересуйтесь у кордона, кто покинул этаж после выстрела. Выполнять! Или вы желаете, чтобы я приступил к своим профессиональным обязанностям по отношению к вам?! – я невзначай положил руку на кобуру.

Охранник, имя которого мне было совершенно не интересно, покосился на своих коллег и быстрым шагом пошёл выполнять приказ, забыв отдать мне честь. Ну, ничего, лицо я его запомнил, и, как только пыль уляжется, эта пародия на солдата поймёт, что у неё

возникло много проблем. Конечно, если бы я знал, сколько в последующем проблем он мне принесёт, я бы разговаривал с ним понежнее. Но это мысли о будущем, а в настоящем нужно поймать того, кто обезглавил первую группу армий перед наступлением. Я повернулся к помощнику.

– Дверь!

Помощник мой был смышлёным, так что мигом вышел из кабинета и принялся изучать дверь на предмет взлома или любых других повреждений. Да, может показаться, что это не слишком срочное дело в нынешних обстоятельствах, но мой многолетний опыт в контрразведке не раз доказывал: по состоянию двери можно было понять сразу много вещей, что очень помогало в срочных делах. Ещё это был хороший способ на несколько минут избавиться от, собственно, помощника, которому, по-видимому, доплачивали за то, что он меня раздражал, так что он научился это делать с завидным качеством.

Я прошёлся по кабинету, подмечая все доступные детали. Начнём с того, что бывший генерал лежал прямо в центре кабинета, возле стола и книжной полки. Лежал он лицом вверх, напротив двери, так что непосредственно перед смертью смотрел на неё и на стоявший рядом антикварный радиоприёмник. Обойдя всё ещё рыдавшую горничную, я подошёл к окну: оно было закрыто изнутри, а на подоконнике лежал впечатляющий слой пыли. Отметив, что здешней прислуге как минимум переплачивают, я подошел к дубовому генеральскому столу средних размеров, на котором ещё исходила паром чашка с чаем. Она была наполовину выпитая.

Кроме чашки на столе были аккуратные стопки перебранных бумаг различного характера, карта участка наступления, икона Святой Троицы и фотография генеральской жены, которая, к слову, по неясным мне причинам жила в конце коридора. Рядом с иконой лежал клочок бумаги с наскоро наведённым текстом, который гласил: «Вжзургв дспдгужлусенг д 11». Поняв достаточно прямой и не требующий глубоких измышлений смысл этого послания, я

скомкал листок и бросил его в карман с полной уверенностью, что больше он никому не понадобится.

Обойдя кабинет ещё пару раз, я не заметил ничего интересного, кроме того, что генеральский секретарь, по-видимому, был ещё менее компетентен, чем горничная, и забыл забрать ненужную документацию, которая лежала на полу у стола с красноречивой пометкой: «Сжечь».

— Следов взлома не нашёл! — мой помощник ворвался в щенячем восторге непонятно от чего, — С дверью всё в полном порядке, насколько я могу судить, конечно.

— Как это понимать?! — я посмотрел сначала на помощника, потом на воющую горничную. От её усилий по выдавливанию слёз у меня уже началась слабая головная боль.

— Сэр? — помощник вмиг сменил настроение на оттенок разочарованного непонимания.

— Отвечай точно! Взлом был?! Да или нет?!

— Так точно, сэр! — щенячье счастье вернулось. — То есть никак нет, сэр!

— Ясно, — я вздрогнул, когда горничная перешла с терпимого сопрано на режущий фальцет, и натянул своё лучшее каменное лицо. — Встать смирно! Имя! Звание! Соблюдайте субординацию, когда к вам обращается комиссар!

Горничная оторопела и принялась глядеть на меня, явно не понимая, к кому именно обращаюсь, но моё лицо запугивания редко подводило, так что в скором времени она вскочила и встала с такой выправкой, которой позавидовал бы любой кадет. Хотя её щёки всё ещё были красными, а с носа на белоснежный фартук стекали сопли, перемешанные со слёзами, в её глазах уже забрезжила искра понимания.

— Ещё раз: имя, возраст, профессия!

— Агнес, 35, горничная временного генеральского штаба! — она утёрла нос рукавом, что, если честно, только усугубило ситуацию.

– Вот именно, генеральского! А значит, вы под моей юрисдикцией, так что отвечать вам лучше быстро, честно, и по существу! Ясно? – я вопросительно поднял бровь, сохраняя лицо каменным, что потребовало от меня немалых тренировок в прошлом.

– Да, – она мгновенно посмотрела на меня и добавила:

– Так точно!

– Хорошо, – это был положительный знак. Когда гражданские, осознанно или бессознательно, начинают притворяться военными, это всегда значительно упрощает дело. Они стараются побыстрее соображать и начинают бояться меня больше, чем всего вокруг. – Когда в последний раз видели его живым?

– Сегодня утром, – промямлила она.

Сэр, не думаю, что это корректный вопрос, мы же все слышали выстрел, – мой помощник в своем обыкновении влезать в разговор наморщил брови.

– Ты вообще не думаешь, – кинул я вполоборота и снова перевел внимание на Агнес. – Кто в последний раз у него был?

– Его секретарь заходил вчера вечером. Генерал того долго отчитывал, даже кричал. Потом попросил у меня бутылку «Сингани». Если это поможет, то я слышала слово «трибунал» в их ссоре.

– Хорошо. У кого, кроме вас, есть ключ от этой комнаты?

– У жены генерала, у командира охраны и у секретаря, наверное.

– Кто мог его у вас украсть и сделать слепок?

– Никто, клянусь вам! Я ношу его на верёвке, привязанной к фартуку, и когда переодеваюсь, перевязываю его на сарафан. Мои подруги даже смеялись надо мной за это, можете их спросить.

– Свободны! – я повернулся на каблуках и принялся изучать тело, но, к моему раздражению, из угла всё ещё доносились редкие всхлипы. – Выйдите в коридор и ждите дальнейших указаний.

Я сел на корточки и принялся рассматривать тело на предмет других ранений, но так ничего и не обнаружил, за исключением

разбитых костяшек на правом кулаке. В карманах генерала тоже было пусто, а форма была идеально выглаженной и почему-то парадной. Достав из-за пазухи мой швейцарский нож, который был бесполезен в девяти из десяти случаев, я быстро вырезал пулю, не слишком заботясь о лежавшем теле генерала. Пуля была стандартного калибра, так что я кинул ею в помощника, а потом помыл нож в чашке чая.

– Прикажете сделать баллистическую экспертизу? – если бы у моего помощника был хвост, он бы им сейчас подмёл весь кабинет.

– Да, а ещё анализ ДНК, крови, печени, и бригаду нейрохирургов. Может он от инсульта слёг? – я тяжело упал на стул. – Убийцу нужно найти сейчас, а не через неделю.

– Тогда что прикажете, сэр?..

Все люди, находившиеся в момент убийства на этаже, были собраны в просторном конференц-зале, который по обыкновению был обит древесиной, украшен древними резными скамьями и явно отдавал затхлостью. В центре комнаты громоздился католический алтарь, а возле дальней стены располагалась небольшая сцена с резным распятым Иисусом. Да, все нужные люди были собраны в церкви, которая усиленно пыталась выдать себя за конференц-зал.

А людей было немного, я бы даже сказал, неожиданно мало для штаба генеральской ставки. Хоть и временной. На скамьях сидело шесть человек: три тела из охраны, горничная, генеральская жена Исидора и полковник Хосе. Мой помощник стоял позади всех – на сцене, и, хоть я его и не видел, но могу поручиться – обводил собравшихся надменным взглядом. Он призвал собрание к порядку, потом ещё раз призвал, потом выстрелил из табельного пистолета в потолок, и собравшиеся заткнулись. Ждать появления ещё кого-то было бессмысленно, так что я прочистил горло и начал: – В курсе?

– Да, – с небольшим запозданием ответил мне хор нестройных голосов.

Версия следствия: убийца открыл дверь ключом, выстрелил в генерала, закрыл дверь ключом и сбежал. Здесь собраны почти все люди, у которых были ключи от кабинета, и сейчас мы будем разбираться...

— Сэр! — мой недавний знакомый из охраны встал по стойке смирно и надул щёки, — не совсем так, сэр! Патрульные доложили, что генеральский секретарь спустился с этажа сразу после выстрела и заперся в номере. К нему уже приставлена слезка.

— Как зовут?

— Сафрон, сэр! — его голос немного повеселел.

— Да не секретаря. Тебя как зовут, боец?

— Эм, Рауль, сэр! — охранник неуверенно взглянул на моё лицо, пытаюсь прочесть настроение.

— Рауль, очень приятно! Если вы, Рауль, ещё раз меня перебьёте, то вам выдвинут обвинение как соучастнику со всеми полагающимися последствиями, — конечно же я блефовал, ведь расстрел невинного человека формально не был включен в мои полномочия, а реально мне бы потом пришлось заполнить гору бумаг. Конечно, если бы я знал, насколько этот боец в недалёком будущем осложнит мою жизнь, я бы просто поблагодарил его, но в тот момент я оставался в благоговейном неведении.

— Ясно, сэр! — Рауль карикатурно побледнел и опустил обратно на скамью.

— Итак, что мы будем делать: я допрошу здесь всех и сравню ваши показания с показаниями Агнесс (я карикатурно показал на неё рукой), так как ей доверяю. Чтобы ускорить процесс, я буду вести допрос в соседней комнате в сопровождении Агнесс и своего помощника. Очередность такая: Полковник, Исидора, Рауль. Следующий входит только тогда, когда предыдущий выходит. Всё ясно?

— Какое вы имеете право так с нами разговаривать? — разгоряченная Исидора вскочила со скамьи и принялась беспорядочно махать руками, будто отгоняла невидимых мух. — Это

неуставная форма! Я вот сделаю только один звонок, и вас самих поведут под трибунал. Считайте, вы здесь больше не работаете!

– По постановлению о чрезвычайных ситуациях в ставке командования (я невзначай опустил руку на кобуру) я имею право избавляться от всех помех следствию. И мне будет очень неприятно пользоваться этим правом, поверьте.

Насладившись тремя секундами гробовой тишины, я спрыгнул со сцены и направился к выходу из зала, надсадно чеканя шаг. За мной поплелись с разной скоростью ещё четыре тела, судя по шуму вокруг. И мой помощник – как и в тот раз, я не мог этого наблюдать, но руку даю на отсечение – гордо вышагивал в конце колонны, держа оружие наготове.

Импровизированная допросная не отличалась богатством интерьера: только стол, задвинутый в центр комнаты моим помощником, и три стула. От коридора нас отделяла картонная дверь, которая была лишь чуточку лучше, чем её полное отсутствие. Конечно, если бы я знал, на какие испытания меня обречёт эта дверь, я бы выбрал допросную получше. Или, что более вероятно, расстрелял бы весь этаж за какое-нибудь выдуманное на ходу правонарушение. К сожалению, я не обладал даром предвидения, так что спокойно сел за стол напротив полковника и начал допрос.

– Имя, звание, время! – скоро отчеканил я.

Это игра такая? Вы хотите, чтобы я сказал, какое слово в ряду лишнее? – полковник вызывающе развалился на стуле и попытался положить на стол одну ногу, но из-за полного отсутствия гибкости в его суставах, это движение вышло скорее нелепым, чем высокомерным.

– Соблюдайте субординацию, я при исполнении! Повторяю: имя, звание, время последнего визита к генералу!

– Вы, товарищ комиссар, меня так просто не напугаете, – он наконец прекратил взбираться на стол и сел прямо. – Пуганые мы. Да и к тому же я тоже при исполнении, и у меня тоже есть табельное.

И я не потерплю, чтобы какие-то эмигранты говорили со мной в таком тоне. Да вас же на место по связям пропихнули, да и со связями вам удалось добраться только до комиссариата. Выше ума не хватило прыгнуть, да? Конечно, ведь бегать по домам и стрелять в спины — на это много ума не нужно. Вот попробовали бы вы управиться хотя бы со взводом, да так, чтобы он в полном составе не полёг. Я бы на вас посмотрел, да внимательно бы посмотрел и уважал бы, может. А сейчас вы просто вшивый эмигрант-предатель! И содействия вы от меня не дождётесь!

— Вы это всё сочиняли в конференц-зале?

— Я... — его лицо залилось краской. — Не имеет значения, где я это сочинил! И вы сейчас говорите домыслами. Вы ведёте себя так же, как те молокососы, заявлявшие, что у страны А. есть тяжёлая вода!

— Домыслы, говорите? Хотите ещё домыслов? Я вот домысливаю, что генеральская охрана генерала и пришла. Если вы будете препятствовать следствию, то сами окажетесь в опасном положении, — я произнёс это со смягчающей интонацией, как бы предлагая помощь. Конечно, это был грязный трюк, но он не раз доказывал свою эффективность.

— Так и знал, что вы некомпетентны! — сияя, полковник устремил взгляд куда-то на люстру. — Просто профнепригодны! Я лично знаю каждого человека из генеральской охраны, и им преданности не занимать! Они настоящие солдаты, не то, что ваша порода. Я ночью пять раз выходил покурить, так эти орлы не спали и не позволяли себе вольностей. Они стояли по стойке смирно! Они отдавали мне честь! Каждый раз! Нет, они люди другого сорта, в отличие от вас и ваших единомышленников. Вон, например, Сафрон постоянно в столовой скулил, обвиняя генерала в безразличии. А почему сам генерал должен обращать внимание на секретаря? Сказано — сделай! Умри, но сделай! Так тот сопляк ещё и смерти желал генералу, прямо за выпивкой! Последними словами его крыл. И это не только мои слова: все могут подтвердить.

Так что ваша порода мне отвратительна и с вами я сотрудничать не буду!

— Ну что же, — я развел руками, — раз не хотите ничего говорить, я заставить вас не могу. Однако дело бы продвинулось, ответь вы на пару вопросов. Понимаете, я же для безопасности стараюсь. Может убийца похитил ваши секретные планы или чего-нибудь такое...

— Послушайте, если бы вы были военным, то таких глупых вещей не говорили! Какой военный может у себя в кабинете развешивать секретную документацию по стенам? Там даже если что-нибудь и было, то оно было зашифровано так, что Цезарь позавидует. Да и когда я в последний раз его видел, где-то в двенадцать ночи, он работал над донесениями высшей секретности. И вы думаете, что он сразу же не уничтожил все документы? Вздор! Генерал был ответственный человек!

— Вот как? — я обернулся и обратился к Агнес. — Это правда?

— Да, всё так (Агнес на секунду замялась), генерал был действительно ответственный.

— Конечно! — полковника прямо распирало от самомнения. — Я видел, как сегодня утром, сразу перед убийством, Сафрон заходил к генералу. Неопрятный, растрёпанный, совершенно без выправки. И у него ещё глаза бегали нездорово, будто боялся кого-то. Уважения к таким у меня нет, так что я и вам ничего не скажу. Доверие на уважении строится, знаете ли.

— Ну, может, хоть имя своё назовёте? — я почти умолял. — А то мне в протоколе писать нечего будет.

— Ничего не скажу, разбирайтесь, как хотите! — он резко встал и повернулся к двери. — Засим не буду себя задерживать. Я уже сказал, что о вас думаю!

Он вышел, чеканя шаг, и громко захлопнул за собой дверь, что должно было вселять страх, но на поверку оказалось просто раздражающим действием. Мои помощники, не привыкшие к такому способу ведения допроса, обалдело уставились на меня. Никто

из них не решался прервать молчание, а сами они выглядели скорее удивлёнными моими методами, чем восхищёнными. Несколько погрузнев от этого наблюдения, я решил объяснить:

– Да он просто принял сутра. До вас перегаром не достало, что ли?

– Нет, – почти синхронно покачали головами мои помощники.

– Внимательнее надо быть. Следующий!

В комнату вошла грузная дама среднего роста в пышном, возведённом на арматуре платье. У неё были длинные каштановые волосы, и даже преклонный возраст не унижал, а лишь подчёркивал её уникальную красоту. Каждая морщинка на изысканном овале лица, каждая выщерблена на коже дополняла образ статной высокородной дамы, которую можно было бы спутать с самой королевой, если бы в стране Б. была хоть одна.

Исидора, окружённая аурой непоколебимой уверенности, грациозно подошла к своему месту. Её глубокие зелёные глаза строго оценивали каждую мелочь, но на лице читалось только безразличие. То глубокое безразличие, которым может обладать только тот человек, который побывал в подобном положении тысячи раз. Когда она села за стол, то стала больше похожа на княгиню с картин, нежели на живого человека. Но, к сожалению, как только она заняла своё место, пуля попала ей в затылок.

– Ложись! – крикнул я и незамедлительно последовал своему приказу. Картонная дверь буквально взорвалась щепками, и в комнату полетел десяток пистолетных пуль. Выждав мгновение, я осмотрелся. Интерьер практически не изменился, не считая окровавленную Агнес, которая сидела на полу и пыталась осознать происходящее. Ей было уже не помочь: одно из красных пятен расплзлось на уровне сердца, так что ей оставалось удивляться меньше минуты.

Помощнику же повезло больше: без каких-либо признаков ранения он лежал на полу возле меня, закрыв голову руками. Я несказанно обрадовался этому факту, так как это в разы

увеличивало вероятность моего выживания в краткосрочной перспективе. Но времени не было, так что я похлопал помощника по ноге и перекатом втиснулся в угол, прилегающий к стене с дверью. Мой личный помощник мгновенно всё понял и прижался к противоположному углу, напряжённо вскинув пистолет.

Так мы стояли, целясь в невидимого противника почти целую вечность. Но вечность оборвал резкий удар ногой о картон, и остатки двери полетели вперёд – в проёме появилась охрана генерала. Стоит отдать должное моему помощнику – он среагировал мгновенно. Охранник не успел даже полностью показаться из проёма, когда получил две пули в череп. Не знаю, чему его учили в учебке, но уроки он прогуливал часто...

Я не терял времени. Не целясь, я выпустил обойму в образовавшуюся брешь, потом быстро перезарядил табельное. Из коридора послышался хор тяжелых шагов, уходящих к ближайшей переборке. С этого момента действовать нужно было быстро, так как оцепление, дежурившее на лестнице, не стало бы разбираться в сути вещей. И была максимальная вероятность, что эти ребята тоже начнут в нас стрелять.

– Трое. Стой здесь! – я переступил через тело и занял позицию у проёма, нацелившись в сторону отборного мата.

Сразу высовываться из укрытия было бы самоубийством, так что я снял фуражку и изо всех сил бросил её в проём. Как и предполагалось, фуражка пришла в негодность до момента касания с поверхностью пола. В этот же момент я выглянул из проёма и, увидев оттопыренный локоть, показывающийся из-за бетонной переборки, пустил туда три пули. В локоть попала одна, но её хватило для того, чтобы противник с криком вернулся в укрытие. Ситуация улучшалась с каждой секундой.

– Туда, – я указал помощнику на противоположную переборку и тихо добавил: – Громко!

Ещё один магазин пошёл на огонь на подавление. Я выстрелил дважды, взял паузу, потом выстрелил ещё раз в тот момент, когда

полковник вынырнул из-за переборки. К сожалению, лицо полковника сохранило природное количество отверстий, однако я добился цели. Теперь противник боялся меня немного больше. Сделав ещё пару выстрелов, я достал запасной магазин и жестом скомандовал помощнику выдвигаться.

Он побежал, а я перестал стрелять. И это возымело тот эффект, которого я ожидал. Как только шаги стихли, один из оставшихся охранников подумал, что мы оба отступили, и выглянул, чтобы проверить свои догадки. Выглянул он больше, чем надо было, и за это был незамедлительно наказан тремя пулями в грудь. Оторопев, он грузно рухнул на пол, уменьшая эффективность стрельбы противника.

Я засунул в пистолет последний магазин; мой помощник вёл ожесточенную перестрелку. По звукам я понял, что со стороны противника был всего один пистолет, видимо, второе тело из охраны было серьёзно ранено. Это в разы облегчало задачу.

— Стоп! — гаркнул я, и помощник сразу же подчинился.

Выждав, пока стрельба стихнет, я осторожно высунулся из-за укрытия. В меня не стреляли, и это уже было прекрасно. Пользуясь моментом, я подбежал к переборке, из-за которой вёлся обстрел, и на секунду встретился взглядом с Раулем, который стоял за укрытием в противоположном углу. Переглядывались мы не долго: я рефлекторно всадил в недавнего знакомого четыре пули. Тот сполз по стене, плюясь кровью.

Как и предполагалось, для полковника это стало полнейшей неожиданностью. Он удивился, испугался и совершил ошибку, выдвинув оружие из-за переборки дальше, чем надо бы. Здесь опять сработали мои инстинкты: резким движением я ухватился за пистолет, и, прыгнув под ним, оказался по ту сторону переборки. В этот момент полковник осознал безвыходность положения и попытался ударить меня ногой в живот, но не успел — пуля прошла навывлет...

– Стоять! Не двигаться! Что здесь происходит? – через мгновение в поле зрения появился сержант с взведённым автоматом и пятком бравых товарищей.

– Разоблачение заговора в высших эшелонах власти! – я встал по стойке смирно. – Доложите об инциденте в штаб немедленно! И мне нужно выпить.

– При всём уважении, никак нельзя, сэр! У меня приказ: никого не выпускать!

– Да, я в курсе, я его отдал. А теперь марш работать! Или вы хотите под трибунал?! – я грозно взглянул на оцепление, и жестом поманил за собой помощника.

Мы с помощником стояли на балконе отеля, попивая холодный «Сингани» из гранёных стаканов и закусывая разнообразными колбасами. Под нами двигался город: люди струйками переходили с одной улицы на другую, потоки автомобилей ветвились и сливались в единую сеть, а над ними молчаливо громоздились силуэты домов, гордые в своей фундаментальности. Город жил, несмотря на войну. Несмотря на смерти семи человек за одно утро. Несмотря ни на что.

– Так убийцами были те четверо? – мой помощник облокотился на перила.

– Нет, там немного другое, – я нравоучительно поднял руку с куском колбасы. – Рауль испугался трибунала и вместе с охранкой пришёл генералову жену, а полковнику сказал, что это был я. А полковник и так был обо мне не лучшего мнения. Рауль просто захотел избавиться от меня, потому что он не уследил за здоровьем генерала, а это на расстрел тянет. А я – единственный в округе, который может что-то кому-то доложить. Как-то так.

– Тогда Сафрон убил? – помощник по щенячьему ждал одобрения.

– Ты идиот, если так подумал. Серьёзно. Я под присягой это могу сказать, если хочешь. Сафрон – один из самых мужественных людей, если я всё правильно понял в этой истории.

– Тогда кто убийца? – мой помощник недоуменно уставился на мой стакан.

– Это суицид. Почему? Представь: ты перехватываешь важное сообщение, где говорят, что тебя скоро убьют. Но ты ничего не можешь предпринять, так как если ты всё-таки что-то сделаешь, то убийца поймёт, что ты умеешь перехватывать его письма. А это приведёт к ужасным последствиям. И тебе остается только принять неизбежное. Знаешь, это расследование – тоже своеобразная форма суицида.

– Я не очень понял, товарищ комиссар, – помощник залпом опустошил стакан.

– К слову, сколько времени? – я последовал его примеру.

– Ровно одиннадцать, а что?

– Сейчас ты всё поймёшь, мой друг.

И ядерная ракета, прочертив в небе длинный след, обрушилась на город, превращая всё сущее в пепел...

АЛЕКСАНДРА СИТЛЕВА

ОРФЕЙ ПОГИБ В НЬЮ-ЙОРКЕ, ЕГО МОГИЛА – БЕТОН

Жить – это уникальный шанс.

– ... И почему же я не могу выйти?

– Вы нарушаете закон!

Больше всего я не люблю, когда по утрам дом наполняется криками, но так повелось – и я всё ещё не привык. Последнее время слишком часто первые лучи солнца опережаются первыми свирепыми возгласами.

– Да? И какой же такой закон?

Я вышел посмотреть на сегодняшних нарушителей моего равновесия и воров моего прекрасного уютного сна: оказывается, они опять идентичны предыдущим: такие же смешные шапочки на всё лицо, странные белые мешки вместо одежды. Что им нужно, чего они требуют столь назойливо, даже агрессивно?

Послышался топот – мой друг тоже проснулся; его близость я ощутил по раздавшемуся зловонному душку, вечно его сопровождавшего, несмываемого даже самыми изысканными шампунями. Он уселся рядом, уставившись на пришедших. Те, в свою очередь, тоже ощутили этот отвратительный аромат, переключив своё внимание на нас.

– Паспорта на них, пожалуйста, – сказала одна из.., вытаскивая из мешка на своём теле квадратный предмет и тыкая им в нас. Мой друг, горло которого сразу же задрожало в выражении непримиримой злобы, выдвинулся, закрывая меня своим большим и могучим телом.

– Крайне прошу покинуть мой дом, иначе я буду вынужден вызвать полицию!

– Вызывайте, и, если окажется, что у них нет документов, на вас будет ещё одно нарушение.

– Вам самим не стыдно за себя? Думаете, это останется безнаказанным? Я не знал, о чём они говорят, но, по совпадению с тем, как человек начал двигать своей чёрной штучкой, мне вдруг сильно захотелось броситься на неё и съесть, однако я смиренно выжидал, когда человек освободится и сервирует мне отвратительные сухие комочки.

Но вот, из угла донёлся знакомый плач – так я определял для себя этот ни на что не похожий, одновременно приятный и неприятный звук, – и я бросился к нему. Я любил этого человека, хоть и приходил он слишком редко и ничего мне не приносил, любил его и никогда не забывал.

Сегодня он выглядел иначе: весь сияющий так ярко, что я не мог смотреть на него пристально, и я опустил голову. Тогда он склонился и взял меня, как мать, которую я не помню, но помню её запах и тепло, он взял и поднял меня. Я остолбенел, конечности мои не двигались, но мне было невероятно спокойно, и я забыл обо всём, меня укачивало на волнах блаженства – я оказался нигде и везде. Я спросил его неведомое мне, не произнося ни слова:

– Как теперь?

Он долго молчал, обжигаяще гладил меня по голове и спине; еле слышимые звуки возни доносились до моих ушей, но мне не было до них никакого дела. Был только я и всё бывшее, настоящее и будущее, всё знакомое и неизвестное, теперь я знал это. Что за слова я произношу, что за картины наблюдаю? Вот запах – это запах предательства, крови, пороха; вот крик – это крик матери, революции, убиенного скитальца; туманом окутанный лесной город скорбил о проигранном, блуждающие по нему бестелесные сущности всё ещё пытались вступить в схватку, но ауры их рассыпались, оседая гнилью на быстро увядающих растениях.

– Кончился... – пробасил еле передвигающий лапы тощий бурый медведь, – кончился наш век.

Он упал на чахлую траву рядом с мучающимся облысевшим оленем и завыл, но быстро вой его утих, и дух покинул его медвежье тело. Чёрный лес загудел, и на макушки вялых деревьев и ёлок упал едкий смог; они взглянули вдаль и увидели две округлые серые башни, густо выдыхающие тёмно-серый дым и глядевшие на них без сожаления, словно не замечали страданий и уныния.

Спрятавшаяся в запутавшихся ветках орлица накрыла гнездо с голодным кричащими птенцами некогда могучими крылами, в которых теперь зияли проплешины; смог приближался, делая чёрный лес непроглядным и понурым, ввергая оставшееся ещё полуживое в суету.

Один из птенцов захрипел, выпучив заплывшие глаза на пушистой голове, и жадно пытался вдохнуть чистого воздуха.

Пушистый гудёж поднялся в лесу – и само существо леса стало внимать этим крикам, стало просить помощи неведомо у кого. Лес выл и стenal, в круглые башни только хохотали и дымили.

– Я здесь! – отозвался писклявый голос. Я огляделся в поисках его обладателя и заметил яркое красное пятно в лесной мгле; оно шибко ускользнуло из виду.

– Попробуй, найди меня! – засмеялся он, и я, услышав топот маленьких ножек, бросился за ним.

Не помню, сколько блуждал среди спутавшихся веток, гниющих зверей и режущего глаза смога, но, когда ноги мои уже почти не шевелились, я ощутил невыносимый запах гари, почувствовал испепеляющий жар на коже, тут же покрывшейся волдырями, и свирепо пополз прочь, хоть куда – лишь бы уйти из этого ада.

Обгорелые ветви рассыпались передо мной, и лес вдруг исчез, оставляя лишь покрытую пеплом и конфетти, выжженную землю, над которой возвышались две круглые дымящиеся башни, а вокруг них по рваной траектории, напоминающей звезду или нечто подобное,

двигались знакомые мне фигуры: красные шорты и белые, большие чёрные уши...

Вдруг земля задрожала, и башни начали рушиться одна за другой...

– Фонограмма!

В зале загрохотала электронная музыка; сцена осветилась тысячью вспышек, и среди них, меж двух колонн с переливающимися золотом шарами на них, возникли танцоры,двигающиеся синхронно в бит, настолько идеально, насколько даже самые сверхсовременные роботы двигаться не смогли бы. На экране в виде перевёрнутого треугольника на мгновение показался гигантский глаз, сменившийся ползающими змеями.

Затем на сцене появилась она – пластиковая муза поколения, сейчас одетая в невзрачную одежду для репетиций, с комом непонятого сена на голове и недовольным лицом, которое без макияжа даже не было её лицом. Она начала нехотя двигаться, отрабатывая давно заученные движения.

– Господину не нравится, как ты себя ведёшь последнее время, – сказал менеджер, небольшая пухлая женщина в неопределённом возрасте, после того, как Лин закончила репетицию и спустилась обратно в гримёрку.

– Он может засунуть своё мнение себе в жопу, – прошептала Лин, падая на мягкое кресло и прикрывая глаза. Вокруг неё тут же возникла орава стилистов, визажистов и других теней, возложивших свои души на пьедестал даже не самой Лин, но того неизвестного, заставляющего всех принимать очередное собственное решение. В какой-то степени и Лин, и её коллеги по сцене тоже были точно такими же тенями, спрятанными в прекрасную, недостижимую простым смертным оболочку.

– Ван Лин! – прикрикнул менеджер, подходя к ней некомфортно близко. – Господин продюсер будет присутствовать на концерте. Мы должны ему ещё...

– Убирайся! – закричала Лин, вскакивая с кресла и сдирая с себя заколки вместе с накладными волосами, размазывая тушь и помаду. – Не хочу, не хочу! Я ухожу!

Она начала снимать с себя блестящий костюм со множеством пайеток, страз и прочих украшательств, она металась по комнате, желая спрятаться, она пыталась вырваться из этого невидимого золотого рабства, но всё, что она видела перед собой – лишь непроглядная тьма, неопределённая, совсем не чёрная, как её обычно рисуют, наполненная... чем-то, к чему невозможно приблизиться и что невозможно понять, тайной, злым умыслом; тьма была холодной и одинокой даже с множеством случайных людей, попадающих в неё, остающихся в ней или уходящих.

– Боже, помоги!

Гигантский крест вонзился в перемолотую массу, которой был устелен пол этой тьмы; в него ударила молния и он возгорел.

– Гениально! – затрепетала девушка-режиссёр сегодняшнего концерта.

– Госпожа Лин, это гениально! Если мы... (голос её дрожал, а сама она шибко записывала что-то в потрёпанный блокнот), если мы поставим крест знаете где, воот здесь, – она достала схему концертного зала и сделала пометки, – и будем подсвечивать его в определённые моменты. Чтобы он, знаете, как бы стоял таким образом, что бог смотрит на нас, а не мы на него. На песне..., на... бридже, да, это будет потрясно!

Лин сидела на кожаной софе, пусто вглядываясь в беспрестанно суесящихся людей, практически не дыша и ни на что не реагируя. Менеджер приставил к её губам бутылку, заставляя сделать глоток, быстрым движением закинула таблетки и всунула ей в руки телефон, чтобы Лин бездумно листала наполненную котами ленту. Она даже улыбнулась.

– Не забудьте уважительно посмотреть на центральную ложу и с благодарностью улыбнуться, – подсказал менеджер, когда

танцоры вместе с Лин уже были готовы к выходу на сцену.

– Будь проклят тот день, когда я приехала в Америку, – сказала Лин так, чтобы никто не смог услышать, и выпорхнула на сцену.

Они успели отстроить крест всего за несколько часов до начала концерта, и теперь он чуть ли не перетягивал на себя всё внимание.

Люди, толпившиеся в зале, заверещали не своими голосами, когда на сцене появилась Лин; танцоры прошли меж колонн, музыка заиграла, механический голос запел примитивные строки, за которыми подпевать и стыдно, и хочется.

I ain't seeing no lies, look here, I'm the highlight, If you had my love, you'd love me for your whole life.

Лин двигалась под музыку, не утруждая себя создавать имитацию того, что она действительно поёт – сомнительно, что она помнила песни, которые для неё писались штабом аналитиков, и не то, чтобы эти песни ей нравились. Как и всем: они лишь пристают ненадолго, ровно до момента, как их заменит какая-нибудь другая с точно выверенной формулой, подходящей как можно большему количеству народа.

Для следующей песни на сцену выкатили ещё не выпущенную модель Кадиллака; розовый переливающийся автомобиль проехал меж колонн и остановился.

Лин взглянула на центральную ложу – продюсер был там, пристально наблюдая за каждым движением на сцене. Она улыбнулась фальшиво, с немой просьбой неизвестно кому забрать её домой, вытащить из этого ада, роскошно отделанного, с неземными запахами и чувствами, со всем, что противно жизни на Земле.

Armageddon when I get it make the world shake.

Крест зажётся ярко-оранжевым, ослепляюще ударяя по Лин и танцорам. Она зажмурилась, выронив микрофон (фонограмма продолжила петь за неё) и упала на колени. Когда же она, наконец, подняла глаза, то увидела, как господин в спешке покидает ложу, а люди, не обращая внимания на прервавшийся концерт, суетятся и толкаются, пытаясь найти выход.

– Оставайся на месте! – послышалась команда из наушника.

– Выключите! – закричала Лин, когда из динамиков стала раздаваться безумная какофония, словно шагающие полчища демонов вырвались из преисподней и, лязгая цепями, в которые они когда-то были закованы, обращали всё на своём пути в тлен...

Умереть – это уникальная возможность.

Лин проснулась от невыносимого гнилого смрада и липкости тел, прижавшихся к ней. Она захрипела, горло сдавило режущей болью, а без того худое тело осунулось и посерело от усталости и голода, тонкие руки схватились за стены, на ощупь кажущиеся покрытыми каким-то сыпучим материалом.

– Это действительно ты? – задал вопрос один из сидевших рядом.

– Где мы? – выдавила Лин и попыталась встать, ударяясь головой о потолок – слишком низко даже для невысокой китайки.

– Я помню, как заходил в поезд и пока что никуда из него не выходил.

Кажется, у них там что-то случилось.

– Что тут непонятного? – сказал другой человек. Маленького окошка в вагоне было недостаточно, чтобы свет показал его лицо. – Поезда, везущие людей в неизвестность – мы уже такое видели...

– Что вы имеете в виду, я не понимаю? – просипела Лин, пытаясь наощупь понять размеры вагона, но то и дело натыкалась на человеческие тела.

– И не ясно, живые ли, мёртвые?..

— А что тут понимать? — хохотнул человек, — Понимаешь, это дело святое, а главное — очень доходное. Я вот только думаю, кому с нас доход-то? Наверное, умерщвление нам скоро по-настоящему устроят...

— Всё, перестань! — прикрикнули на него. — Не пугай её.

— Я ничего не понимаю... Я только что стояла на сцене, только что, — Лин уселась на пол рядом с чьим-то холодным телом. — Это был февраль, двадцать второе февраля. Начало мирового тура...

— Скачете под свою попсу, а нам терпеть потом, — произнёс кто-то сдавленным старческим голосом.

— Так вот она! — заорал вдруг какой-то человек, вскакивая и, судя по звуку шлёпающих голых ног, направился к Лин, хватая её за волосы и заставляя подняться. — Из-за тебя, тварь, мы тут подохнем! — он ударил её по лицу, удерживая, — Из-за того, что тебе вдруг понадобилось поторговать рожей или чем ты там обычно торгуешь...

— Пусти её!

В темноте, когда никто не видит и ты сам слеп, ударить и убежать намного проще, даже не нужно за это раскаиваться, если ты не видел лица жертвы.

Поезд остановился. Люди — те, кто ещё в состоянии был ходить — бросились к окошку: за ним не было видно ничего, кроме уходящего за горизонт поля, усеянного мелкими белыми квадратными будками.

— Что это?

— Новая версия газовых камер. Вы что, новости не читаете?

Дверь вагона отворилась, и люди в мешковатых белых костюмах вошли внутрь, пересчитывая и проверяя каждого, записывая себе, по-видимому, первые впечатления. Все сидели, боясь шевельнуться и сказать хоть слово.

— У вас была драка? — поинтересовался один из них, перебирая бумаги и найдя нужную. — Ван Лин, просим рассказать в деталях, что

здесь произошло. Лин покачала головой, продолжая всматриваться в то, что показалось за открытой дверью: множество тяжело вооружённых людей ходило возле высоких металлических оград с колючей проволокой, прямо смотрящих на захмуревшее небо, выше которого был лишь огромный сгусток накопившихся на земле страданий. Затем она перевела взгляд на тех, с кем пребывала: кто-то уже давно испустил дух, кто-то, весь обгаженный, сидел в углу и плакал, но большинство лишь слушали, тупо уставившись на вошедших. Лин перевела взгляд на свои ладони, покрытые сажей.

– Хорошо, – подытожили учёные или врачи, или кем ещё они себя называли. – Что же, просим вас не паниковать. Сейчас вы все пройдёте к месту своего пребывания в ближайшие три месяца. Так как вы были эвакуированы из зоны повышенной опасности инфекционного заражения, вы будете проходить медицинское обследование каждые два дня. Для каждого подберут индивидуальное лечение в соответствии со степенью заражённости вашего организма патогеном.

– Я не больна, – прошептала Лин.

К врачам присоединились военные, помогая транспортировать людей. Совсем недвижимых, тяжело больных и мёртвых оставили в вагонах. Как только поезд двинулся, колонну повели к баракам.

– Мисс Ван, к сожалению, не вам решать, больны ли вы или нет. Вы можете только довериться нашим экспертам.

– Куда их увезли?

– Думайте о себе!

Лин проходила мимо однотипных безжизненных коробок с решётчатыми крошечными окнами с небольшой на них дверцей, в которых то и дело мелькали человеческие лица: испуганные, безразличные, заинтересованные, смирившиеся. Несвободные, согласные.

– Лин, я люблю тебя! – послышалось из одного окна. – Ты пришла спасти нас? Спаси нас!

– Это правда она?

– Почему она здесь?

– Не обращайтесь на них внимания, – заверил её один из врачей. – Побочный эффект от лекарств иногда принимает крайне странные и удивительные формы. Вот, прошу, – он приоткрыл дверь, впуская Лин в бетонную комнатку с деревянной кроватью и маленьким столиком. – Еда будет подаваться дважды в день через вот это окошко, чтобы вы сами не заразились и не передали инфекцию другим. На сегодня – всё. Хорошего вам вечера и сна!

Врачи ушли, заперев тяжёлую дверь на замок. Лин стояла посреди комнаты, словно оцепеневшая, не в силах сделать ни шагу, не в силах принять никакого решения. Она думала, почему господин продюсер сбежал? Что произошло тогда, на концерте? Как она очутилась в этом месте?

Совершенно ясно, что произошла большая ошибка. Да, безусловно, ошибка. Сейчас Лин найдёт врача и всё ему расскажет. Завтра она должна лететь в Канаду, и, если шоу отменится, господин продюсер не сжалится и снова удвоит её задолженность.

Лин зашла в небольшое помещение, отделённое шторой под старину – это оказалось подобие санузла, а проще – дырка в полу.

Тогда Лин бросилась осматривать каждый угол этой бетонной тюрьмы, под кроватью, даже в дыре-туалете, но всё тщетно. Выход отсюда осуществлялся лишь по доброй воле... Но кого? Кто стоял над всем этим?

– Помогите! – закричала Лин в окно, ударяя по нему ладонями. – Пожалуйста, вы не можете меня здесь держать!

Она пыталась разбить его, но стекло не поддавалось.

Наконец вдалеке показались люди в белых мешках, такие же, каких Лин видела в поезде. Она вновь закричала, привлекая их внимание, и они услышали.

– Что у вас случилось? – спросили они, подходя ближе.

– Это какая-то ошибка. Моё расписание составлено на весь год, вы не можете держать меня здесь без причины.

– Вы были эвакуи...

– Хватит! – крикнула Лин. – Хватит повторять эту чушь! Вы не имеете права вот так брать людей и увозить их!

– Закон для всех один, будь вы звездой или домохозяйкой.

– Покажите мне такой закон.., нет такого закона!

Лин на момент отошла, тяжело выдыхая; лицо её покраснелось от злости и непонимания, она вновь принялась шарить по углам в поисках предмета, которым можно было бы выбить дверь или хотя бы разбить окно. Она взяла столик и стала бить им о дверь, но та не поддавалась.

Уставшая и измученная, Лин легла на кровать, укрываясь простынёй. В голове возник образ старого мультфильма – кажется, это была одна из серий Тома и Джерри о том, как война завершила существование человеческой расы, и мыши, сидя среди обломков некогда великой цивилизации, перечитывали Библию, удивляясь, как человек мог закончить именно так.

Но закончить жизнь в войне – что может быть благороднее? Глаза Лин заслезились, но она улыбалась, вспоминая, как ей когда-то нравилось петь в парке и петь так, чтобы не быть кому-то обязанной, петь свои песни, не чужие.

На следующий день Лин принесли завтрак, потом обед – она ни к чему не притронулась, лишь лежала, не двигаясь, и только к вечеру смогла подняться: голова раскалывалась, и ей срочно нужно было пройтись, ощутить на лице свежий воздух, вдохнуть его, почувствовать жизнь.

Дверь была заперта – другого ожидать было бы слишком самонадеянно и глупо. Тогда Лин взяла оставленную для неё пластиковую ложку и стала скоблить бетонную стену, но ложка быстро переломилась.

У неё оставался последний, самый безумный вариант, но безумием было бы оставаться здесь и ждать. Лин зашла в подобие уборной, опустилась на колени, вглядываясь в дыру.

Похоже на землю. Она аккуратно, благо, успело накопиться там совсем немного, зачерпнула ладонью землю, а потом ещё и ещё – преград не было.

Глаза Лин сверкнули надеждой; она собрала отходы в простыню и продолжила копать.

К утру Лин обессилела, продолжая заставлять себя грести землю. Чувства притупились, она ничего не слышала, совсем не соображала, а руки не ощущали боли.

Она не услышала, как дверь отворилась.

– Мисс Ван, – позвал её незнакомый голос; она не откликнулась. – Мисс Ван, что вы делаете?

Вдруг ногу Лин заколело, словно какой-то мерзкий жук укусил её, и она обернулась, чтобы отогнать его, но вместо насекомого её ногу уродовала круглая глубокая рана. Она дотронулась до неё грязными пальцами, но тут же была окликнута врачом.

– Мисс Ван, ни в коем случае не трогайте! Важно, чтобы вы не занесли заражения.

Они подхватили Лин за руки и уложили на кушетку, а потом повезли в здание, стоящее особняком. Видимо, оно было неким административным центром этого поселения или госпиталем.

Лин не помнила, что именно она видела по пути, блуждая на грани яви и безумства.

– Мисс Ван, ничего не бойтесь, – сказала женщина, одетая, как медсестра. Она включила стоящий рядом телевизор, на экране которого появился музыкальный клип Лин. – Вот, прошу, напомните себе о своих творениях. Надеюсь, это поможет пережить вам сегодняшнюю операцию.

– Что вы... – прохрипела Лин, но тут же забыла, что хотела сказать, – сегодня... Где Кэри?

– Кто такая Кэри, мисс Ван? – улыбнулась медсестра.

– Она совсем одна...

– Вы обязательно встретите её. Вы ведь не думаете, что жизнь заканчивается со смертью тела? – медсестра приковала ноги и руки

Лин к железной кушетке.

– Не знаю...

Лин окружили врачи, что-то обсуждая, делая на её теле пометки чёрным маркером.

Господи, как же отвратительно она выглядела в своём дебютном клипе! Ей ещё не было четырнадцати, но из неё пытались сделать клёвую, дворовую танцовщицу, правда, потом от этой идеи отказались – слишком быстро прошла мода. А вот вершина творчества её продюсеров – Лин, роскошная и дерзкая, сидит на блестящем танке и призывает поклонниц менять парней, выбрасывать вещи и жить на сумму, которую никто из них позволить себе не может.

Живот пронзила невыносимая боль. Лин закричала, но тут же оказалась заткнута железной дугой, стягивающей её челюсти и позволяя только мычать. Она взглянула вниз – её внутренности обнажились, освобождаясь от кожи, смущенно прячась за костями рёбер.

– Мисс Ван, взгляните, в этом видео вы особенно прекрасны!

Лин перевела взгляд на экран: дорогой отель, она во всём своём непотребстве, рядом с невзрачного вида мужчиной преклонного возраста, она целует его и приглашает к своему молодому телу.

– А вот как это выглядит изнутри, – со смешком сказал врач, демонстрируя красный окровавленный мешочек и кладя его в ледяную ванную.

– Не волнуйся, милая, – по-матерински нежно произнесла медсестра, – всё будет хорошо. Ты будешь с хорошими людьми, посмотри, как ты красива. Медсестра взяла Лин за голову, не позволяя опустить её на кушетку и заставляя смотреть, как врач вынимает из неё небольшой, покрытый слизью мешочек.

– Ты голодала? Твой желудочек очень маленький. Представь, насколько сильно стали бы ненавидеть тебя толстяки, увидев его.

Лин вновь завывала, когда врач сделал очередной надрез внутри; боль накатывала не просто волнами – цунами, но сил на крик почти

что не оставалось. Силы же душевные исчезли совсем. Она царапала железные наручники до сбитых ногтей; пыталась вырвать руки, пусть даже пожертвовав кистями.

— Эту любит моя дочь, — заметил врач, когда Лин в телевизоре запела одну из своих баллад.

Лин с презрением уставилась на врача, орудовавшего в её теле, и не сводила с него взгляда.

— Ты права, — вдруг сказал он, откладывая инструмент и отходя к столу с другими приборами. Медсестра взяла кишки и выбросила их в чёрный пакет.

Через некоторое время врач вернулся, вставая у головы Лин и рассматривая её лицо.

— Вблизи, ты только не обижайся, без всех этих фильтров выглядишь ниже среднего. Но есть в тебе уникальная черта — цвет глаз, такой на рынке найти очень сложно.

Лин задёрнула ногами, всё её тело извивалось в отчаянной попытке освободиться, но медсестра зафиксировала её голову неким подобием шлема.

— За что они с тобой так? Сам не понимаю.., — произнёс доктор и вырезал Лин оба глаза.

Стояла тишина. Редкие голоса доносились из другого помещения, кто-то порой проходил рядом, останавливаясь рядом с Лин и проверяя её.

— ... приехал, — донеслось из фойе.

Лин подняли и положили в тесное пространство величиной как раз под неё, похожее на деревянный ящик с необработанными стенками. Она не могла перевернуться, не могла подняться, не могла выпрямить руки — не было места по бокам, могла лишь держать их у груди.

Её вновь подняли, куда-то понесли, а потом положили. Стало куда холоднее, запахло землёй и сыростью.

На крышку ящика стало равномерно падать что-то тяжёлое. Лин облегчённо вздохнула — это не будет долгим, в этом не будет

мучения...

– Что теперь? – протрубил, наконец, мой редко появляющийся друг. Я вздрогнул, задёргался, и он выпустил меня из рук.

– Мне нехорошо, – сказал я ему, укладываясь на пол. Мой редкий друг исчез, а постоянный подбежал и ткнулся носом в мой живот.

– Почему они уходят? – спросил я, прижимаясь поближе к его большому тёплому телу и наблюдая, как люди один за другим выносят из дома мебель и упаковывают её в грязный фургон. Мне хотелось подзвать их, но друг укусил меня за ухо, заставляя молчать.

Потом ушли и наши люди, сопровождаемые людьми в белых мешках в большой автобус. Мой друг заметил, как один из них возвращается к нам домой, схватил меня, как недавно носила меня мама, и отнёс в коробку, где я люблю проводить время, когда мне хочется одиночества. Он положил меня, и я заснул, забыв обо всём, и только думал, отчего так приятны эти тесные тёмные пространства?

Они напоминают мне о детстве, которого я не помню, и которого не буду никогда иметь...

АЛЕКСАНДР ПОЗДЕЕВ

ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИК (ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ).

Пришельцы

Территория нынешнего Северного Урала. 14 000 лет до н.э.

С наступлением холодов племя Танака ушло в большие горные пещеры, чтобы пережить долгую и суровую зиму; но десять самых сильных мужчин, конечно, остались на плоскогорье, чтобы обеспечить племя провизией. Правда с охотой в последние дни не везло. Дичь попадалась совсем мелкая, олени удалились в южные края, а вот хищники — наоборот. Они стали активны как никогда и вскоре два охотника из десяти стали добычей.

Танак был молодой и очень сильный воин. Недавно ему исполнилось двадцать лун. По согласию всех мужчин племени во главе с вождём, он возглавил отряд охотников и на его могучие плечи легла ответственность за обеспечение племени провизией. Было очень холодно, снег ещё не выпал, но озеро на берегах которого они жили и охотились, покрылось тонкой коркой льда, из-за чего вылавливать рыбу стало намного труднее.

Зима вступала в свои неизбежные права, она грозила быть долгой и голодной, и Танак, которого, казалось, ничем не испугаешь (за свою недолгую жизнь он пережил несколько страшных схваток с хищниками), только зима и пугала. В этот период времени приходилось выживать, буквально вырывая у смерти каждый день своей жизни.

Вся жизнь племени Танака, за исключением зимы, проходила на просторах большого плоскогорья. Охота, собирательство плодов

и заготовка запасов на зиму занимали практически всё время. Иногда на земли плоскогорья совершали набеги горные соседние племена, происходили конфликты и стычки, но жители большого плоскогорья неизменно отстаивали своё право на эту территорию. Подобные конфликты уносили жизни мужчин, находящихся в самом расцвете сил, что заметно ослабляло племя.

В один из многочисленных дней, проведенных близ озера, Танак поднялся, когда уже светало, но солнце было ещё за горизонтом, и, не желая будить остальных, вышел на поверхность окончательно замёрзшего озера. Ему хотелось полюбоваться первозданной красотой в абсолютной тиши; парень прекрасно понимал, что жизнь охотника скоротечна и может оборваться в любой момент. Жизнь окружающего мира после его ухода вряд ли изменится, всё также будут плыть облака, горы — возноситься вершинами ввысь, вода — течь, и через множество лун другой охотник будет любоваться рассветом на этом же самом месте.

Танак глубоко задумался, и с некоторым запозданием заметил, как по льду замёрзшего озера цепочкой в сторону зубчатой гряды целенаправленно двигался маленький отряд. Они были чужими, совсем чужими, потому что племя с которыми враждовал народ Танака, так не выглядело. Причём Танак разглядел в этой цепочке даже нескольких женщин. Ему ничего не оставалось, кроме того, как последовать за ними, чтобы понять цель прибытия незнакомых людей.

Покинув льды озера, чужаки начали восхождение по крутому горному склону с той стороны озера, и впрямь, — легких путей уже невозможно было найти, так что Танак втайне следуя за ними, искренне недоумевал, что их привело в этот смертельно опасный край. А они, погрузившись по щиколотки в вязкий снег, упорно поднимались. Никто не высказал недовольства, даже женщины, при том, что они ещё тащили на себе совсем нелегкий скарб.

Тем временем, Танак следовал за ними почти налегке. Хоть он и захватил с собой копье, но юноша уже ни за что не повернул бы обратно. Азарт и любопытство овладели им. Он не совсем считал этих пришельцев чужаками. Земли его собственного племени лежали по ту сторону озера, а эти горы были владением того враждебного племени, и потому рисковали все – как Танак, так и пришельцы.

Кроме того, в этих краях на людей постоянно охотились пещерные медведи, очень сильные, жестокие, могучие и крайне безжалостные звери, олицетворяющие собой настоящих людоедов. Попадались и хищники поменьше, но в любом случае, встреча с любым из них не сулила ничего хорошего. Но вот, наконец, Танак увидел цель путешествия чужаков. Глубокие снега горной тропы перешли в более-менее ровную площадку, раскинувшуюся возле жерла небольшой пещеры, скрытой глубоко в горах. Чужаки скинули скарб и здесь же стали обустраивать нечто вроде небольшого лагеря. Когда же одна из женщин (девушка) скинула покрывающую до того голову меховую накидку и резким движением распустила волосы по плечам, у Танака перехватило дыхание. Она была необыкновенно красива...

Пещера

Танак был по-прежнему рядом с чужаками, оставаясь невидимым, при том та самая девушка была от него на расстоянии вытянутой руки. Он так сильно ощущал запах, который почти всегда исходит от женщин. Это был запах влечения. Но любопытство пересиливало абсолютно всё. Он хотел узнать цель чужаков. Их было шестеро – трое достаточно крепких мужчин в расцвете сил и три женщины – две среднего возраста, а одна совсем молодая – та самая, поразившая его воображение. Мужчины занялись костром и приготовлением пищи, и только один встал на стражу, пока женщины сидели безучастно.

Танак был убеждён, что без проблем справился бы со всеми тремя, но уже не хотелось, поскольку зов тайны в нём пересилил любые доводы. Он уже был уверен, что эта встреча не оставит его прежним и прекрасная чужестранка также не оставит его более никогда.

Ждать пришлось долго. Чужаки сначала плотно поели, а затем он стал свидетелем странного ритуала. Скинув одежды, несмотря на холод, перед входом в пещеру женщины начали исполнять необычный танец, в котором, кажется, соединилось всё: грация, магия и страшная дикость. Женщины очень искусно имитировали движения многих лесных животных, зайцев, оленей, лис и прочей живности. Женщины в племени Танака так не могли. Для него самого это было так удивительно, что он застыл, любуясь этой безумной пляской. И опомнился он только тогда, когда знакомый с самого детства дурманящий и вызывающий ужас рёв прервал тот прекрасный танец. Пещерный медведь выскочил из густого кустарника и резко ударил одного из мужчин огромной когтистой лапой, после чего тот, сделав кульбит в воздухе, упал бездыханным у ног Танака. Танак успел заметить выражение ужаса на его лице. Мужчина пытался заслонить от зверя хрупких женщин и погиб первым. Это не могло не вызвать уважения. Медведь встал на задние лапы во весь свой гигантский рост, нависая над упавшими на землю женщинами, словно скала. Но между ним и женщинами всё ещё стояли двое мужчин с нацеленными копьями. Медведь медлил, грозно раскачиваясь. Танак был в такой удобной позиции, что без труда мог пронзить сердце зверя копьём, но побоялся, что сражённый медведь мог упасть на людей и придавить их.

Но медлить было нельзя. Выскочив из укрытия, он встал в один ряд с мужчинами в самый подходящий момент, ибо медведь уже начал идти на них. Три копья пронзили грудь грозного зверя, но будучи невероятно живучим, он всё же успел смять лапами ещё одного из мужчин прежде, чем его сердце остановилось, и он рухнул. К счастью, женщины успели отскочить.

Последний выживший мужчина растерянно смотрел на Танака. Он не мог понять – то ли благодарить пришельца, то ли опасаться его. В итоге он заговорил, но язык был чужой и Танаку совсем непонятный. Танак решил улыбнуться в знак того, что не имеет ничего против пришельцев.

Снег, падающий до того мелкой крупницей, внезапно пошёл сильнее. Все четверо одновременно посмотрели в небо, потом красивая девушка жестом показала на вход в пещеру и Танак хорошо понял её жест. Они со вторым мужчиной оттащили тела погибших ко входу в пещеру и уложили их там. Так было принято независимо от того, враждуешь ты с врагом или нет; уважение к ушедшим должно быть на первом месте.

Теперь, когда уважение к павшим воинам было проявлено, Танаку очень хотелось узнать намерения чужаков по отношению к пещере, но упав у входа женщины и мужчина долго в таком положении читали заклинания, видимо, выпрашивая разрешения у духа пещеры войти. Танак, воспитанный на уважении к чужим обычаям, очень терпеливо ждал, присев на камень у пещеры.

Начинало смеркаться. Времени на ритуал ушло довольно много, но он понимал, что это было необходимо. Наконец чужаки поднялись с земли. Танак заметил, что их лица были просветлёнными и сияющими. Они подхватили всё принесённое с собой и, наконец, проникли под своды пещеры...

Довольно долго они шли узким извилистым тоннелем. Откуда-то с потолка со сталактитов падала колючая, наполненная ледяным холодом вода, будто бы копившаяся там веками, чтобы именно сегодня задеть человека своим обжигающим прикосновением.

Танак шёл позади девушки и перед его глазами всё время был прибор из чёрных как смола волос, собранных в пучок на затылке. Время от времени она оборачивалась и слегка улыбалась ему.

Но вот, кажущийся бесконечным тоннель закончился, и его изумлённому взору предстала обширная сводчатая пещера с изогнутыми углами, по стенам которой бежали огромные стада бизонов, скакали олени, а пещерный медведь охотился на человека. Казалось, на этих стенах сосредоточилась вся история дикого и древнего мира, малой частью которого и был сам Танак.

Опустившись на колени, женщины начали доставать из мешков различные порошки и приспособления, мужчина же в специальном горшочке смешивал всё это в единое целое. Затаив дыхание, Танак наблюдал за всем этим. Всё это было похоже на древнюю магию, адептами которой были колдуны его собственного племени, но там всё же было нечто иное, совсем иное. И вот, наконец женщины передали содержимое горшочков мужчине, а также специальные палочки. Закрепив всё это на своём поясе, мужчина довольно ловко стал карабкаться вверх — к изображению бизона, который был нарисован здесь лишь наполовину. И непонятно как, он, зацепившись на сравнительно приличной высоте, начал выводить палочками туловище животного дальше, поочерёдно макая их в приготовленный раствор. И Танаку снизу очевидно стало видно, что Бизон на стене пещеры начал вдруг оживать. Не веря собственным глазам, юноша даже протёр их.

Но магия ненастоящих животных никуда не уходила. Наоборот, когда мужчина закончил рисовать заднюю часть бизона, Танаку показалось, что вся эта армия животных на пещерных стенах обрела что-то недостающее и ожила: армия охотников гнала бизонов в ловушку, олени же бежали куда-то просто по своим делам. Всё это было невероятно знакомо и узнаваемо. Мужчина аккуратно спустился. Широкая улыбка озаряла его умиротворённое лицо; рукой он вытирал выступивший на лбу пот, хотя пещера была достаточно прохладной. Отступив назад, Танак смотрел и, не в силах оторвать взгляд от того, что открылось ему. Тут он вдруг осознал, чему хочет посвятить всю свою оставшуюся жизнь.

С трудом оторвавшись от созерцания, он повернулся к смотрящим на него спутникам. Те жестами пригласили его отобедать. Он согласно кивнул, расположившись рядом с ними. Они принимали пищу, а затем языком жестов спутники рассказали ему историю, случившуюся много-много лун назад с прародителем их племени. Они рассказали ему легенду о первом художнике.

Легенда о первом художнике

Это случилось так давно, что сохранилось только в преданиях. Тогда от большого плоскогорья только отступили льды большой зимы. Охотники, которые привыкли жить в условиях вечного холода, приспособивались к миру, где зима уже не главенствовала. Однажды охотник Уух, который был одиночкой, ушёл от большого плоскогорья и, несмотря на большой опыт охоты, заблудился в чужих краях. Там жило очень много диких пещерных голодных медведей, потому что основная масса травоядных животных ушла из этих земель. Он понимал, что у него мало шансов вернуться домой, поэтому хорошо поразмыслив, мужчина принял решение найти пещеру и обустроить там временное жильё до тех пор, пока он сможет найти путь домой. И он действительно нашёл такую пещеру. Она была очень подходящей, но возникла проблема. Внутри Уух обнаружил раненого медведя. Видимо, пострадав в битве с сородичами, он пришел сюда умирать. Уух вовсе не испугался и не ушел. Медведь был почти безучастен. Большая рваная рана на его боку была в ужасном состоянии. Было ясно, что зверю оставалось недолго. Они не мешали друг другу; и Уух стал жить в дальнем углу пещеры, но страдания дикого зверя не смогли оставить его равнодушным.

Он набрал на склонах горы целебных трав, принёс чистой воды из родников и обработал рану зверя так, как учили его женщины племени, имеющие огромный опыт в этом деле. Он, конечно, очень боялся страшных когтей и жуткой пасти, но всё же решился. Изо дня в день он промывал рану, прикладывал травы, и случилось чудо.

Медведь пошел на поправку. За этими заботами Уух как-то незаметно забыл, что собирался искать дорогу домой, а между тем надвигалась зима и за тревогами о раненном звере он совсем забыл о возвращении домой, а когда хватился, было уже поздно. Долгую зиму теперь предстояло провести в пещере. Кроме того, Ууху теперь приходилось добывать пищу на двоих. Медведь между тем выздоравливал и вёл себя относительно спокойно, с каждым днём всё сильнее привязываясь к своему спасителю.

И вот, однажды случилось то, что случилось. Как всегда, Уух собирался на охоту, а медведь, уже достаточно окрепший, увязался за ним, не желая оставаться один. Маленького роста, хотя и достаточно крепкий, охотник и громадный зверь, возвышающийся над ним, подобно высокому холму над карликовым деревцем, забавно смотрелись вместе, но после нескольких подобных прогулок они уже не чаяли жизни друг без друга.

Так мирно они прожили почти всю зиму и Уух планировал по весне возвращение домой уже со зверем в качестве спутника. Но произошло страшное. В их пещере неожиданно объявился незванный гость...

От своего деда, лучшего сказителя племени, Уух не раз слышал о Чокьи-Чира, страшных созданиях, которые были хозяевами земли ещё до появления человека. Рассказы об этих созданиях сохранились только в устных рассказах; они имели ноги и тело птицы, змеевидную шею, а также мощный загнутый клюв. Эти твари были огромны, злобны и прожорливы. И хотя люди их уже не застали, по племенам ходили слухи, что тот или иной охотник видел этих созданий. И вот, теперь перед Уухом предстало живое воплощение этой страшной легенды. Спрятавшись за камнем, охотник был весьма растерян. Даже грозный медведь на фоне этого чудовища казался карликом. Судя по всему, гость собирался поселиться в их пещере надолго, но этого нельзя было позволить. Уух с трудом удерживал рвущегося в битву медведя. Он не хотел потерять друга, которого сам же недавно вырвал из объятий смерти.

Но не смог. Медведь выскочил направленным прыжком из-за камней и буквально подмял под себя гостя, но у того было преимущество в виде змеевидной шеи.

Шея эта каким-то образом проскользнув под медведем, объявилась прямо над его сердцем, страшный клюв приготовился нанести удар, но, разумеется, Уух не мог этого допустить. Он прыгнул и одним мощным цельным ударом копья пронзил насквозь страшную шею Чокьи-Чира, после чего брызнула его вонючая кровь, окатившая охотника с ног до головы.

Так и стояли они вдвоём над телом грозного создания – охотник и ставший почти ручным медведь, и каждый из них не мог поверить, что они победили страшного монстра.

Уух понимал, что пришло время прощаться. Поначалу он хотел взять медведя с собой, но теперь передумал – не место такому могучему зверю в человеческой стае. Зверь должен оставаться вольным и жить на просторе. Медведь как будто бы тоже всё понял и в его больших глазищах Уух читал невыносимую тоску о близкой потере новообретённого друга.

По наступлении весны у того места, где перевал двоился, охотник и медведь прощались уже навсегда, и Ууху предстоял долгий путь вниз, а потом не менее долгий путь домой – в Долину семидесяти ветров. А медведю – наоборот, предстоял путь наверх, к пикам сизых гор, где жил его древний род пещерных медведей. Они расстались, и чем дальше и дальше уходил Уух по пути, проложенному стопами сотен охотников здесь до него, тем больше царапала его сердце тоска.

Ну почему? – думал он, – Почему мы не умеем выразить тоску об оставленных и погибших как-то по-особому?

Долгий путь с ночёвками в ещё холодных долинах заставлял его прокручивать историю зимовки с медведем в голове вновь и вновь. Постепенно Уух зацепился за мысль, что должен выразить историю своей встречи со зверем необычным образом. Но как? В голову ничего не приходило.

Уже на последней ночёвке (перед последним переходом в своё стойбище) Ууху приснился странный сон, в котором медведь, подойдя к скале, будто слился с ней и стал другим, не похожим на себя настоящего, он будто стал со скалой одним целым. Проснувшись, Уух был заметно взволнован этим сном, он вышел на берег озера, не переставая прокручивать ночное видение. Лишь потом к нему пришло озарение.

До дома Уух дошёл ещё не скоро. Он повернул к месту, в котором знал множество необжитых пещер. Навязчивая мысль гнала его в горы. Охотясь на мелкую дичь, он обходил пещеру за пещерой, но ни одна ему не понравилась. И лишь та, которая казалась самой неприметной, привлекла его внимание. В ней он остался надолго.

Он начал пробовать разные способы наносить памятные линии, острые резцы из грубо обработанного камня и растворы из различных трав и ягод, древесный уголь. Но кривые и косые линии никак не складывались в единое целое. И только ценой невероятных усилий, смешав составы из множества лесных ягод, исхудавший охотник, порой даже забывающий, что неплохо бы поесть, был наконец удовлетворён. На стене пещеры действительно был запечатлён его друг. Отряд, посланный соплеменниками на его поиски, застал Ууха со странной палочкой в руках и стоящей рядом большой раковиной с жидкостью. В неё он макал палочку и наносил штрихи на «плоского, проглоченного камнем медведя», как сразу назвали это соплеменники Ууха. Измождённого охотника пришлось уводить из пещеры чуть ли не силой, поскольку уходить он наотрез отказался.

И лишь затем охотники заметили, что на скале плоский медведь был далеко не один. Тут были и плоские олени, плоские волки и ещё какие-то даже не очень известные плоские звери. Разинув рты, охотники смотрели на это, совсем не в силах понять и осознать сразу, что стали невольными свидетелями рождения мирового искусства.

Так Уух стал первым художником в мире, а легенда о нём шла из века в век.

Перерождение Танака

Когда рассказ об охотнике Уухе закончился, Танака долго не мог прийти в себя. Он покачивал головой, силясь отогнать всплывающие перед глазами видения, но всё было тщетно.

Между тем гости из другого племени дали понять, что им нужно собираться домой. Танака смотрел на эти сборы с немалой долей грусти. Мелькнула даже мысль уйти с чужаками, но он её отогнал.

В полдень на медвежьем утёсе, на вершинах, откуда открывался вид на долину их племени, Танака попрощался с чужаками. Их путь лежал совсем в противоположную сторону, в те места, где начинались угрюмые и совсем непроходимые леса, куда его племя не знало дороги.

Танака так и не сдвинулся с места, пока фигурки чужаков совсем не растворились в мареве, окутавшем окрестные хребты.

Но на обратном пути он не смог удержаться и вернулся в пещеру. Теперь это место никак не желало его отпускать. Взгляд юноши скользил по животным, поглощённым скалой. Все ещё не доверяя своим глазам, молодой охотник переходил от фигуры к фигуре и делал это очень осторожно, боясь спугнуть, проводя по той или иной фигурке рукой. При том у него просто перехватывало дыхание. Он привыкал и очень долго не мог поверить, что такое вообще возможно. Но он понимал, что жить без этого он уже вряд ли сможет. Вновь и вновь взгляд его скользил по фигуркам и дыхание перехватывало. Он разжал зажатую до того в кулак ладонь, в которой держал кусок угля.

Неуверенно, очень неуверенно он приложил кусок угля к той части скалы, где ещё не было проглоченных животных. Несколько минут пролетели в раздумьях. Перед взором юноши стоял образ недавно убитого оленя. Пальцы задрожали. Уголёк наконец-то пришёл в движение: штрих, чёрточка, штрих, палочки ног, палочки

ног; и пришла уверенность. Крошащийся кусок угля, становясь всё меньше, стремительно рождал поглощённого скалой оленя.

Не в силах поверить в содеянное, юноша отошёл, присел на камень и устремил взгляд на нового поглощённого скалой зверя. Так он сидел долго с полузакрытыми глазами, представляя в дивных мечтах, как звери, проглоченные скалой, покидают пещеру, разбегаясь по лесам и долинам. Юноша покинул пещеру на рассвете. Пора было возвращаться в стойбище. Предстоял крайне нелёгкий разговор с вождём, но Танак втайне надеялся на поддержку мудрого шамана Тай-Ти.

Разговор с шаманом. Путь к предназначению. Последняя битва.

В племени отсутствие Танака будто и не заметили. И в этом не было ничего удивительного. В последних промысловых походах удача способствовала охотникам племени и запасов мяса хватало, чтобы дать всем передышку. В эту ночь не спали только сторожевые, охраняющие покой родного племени. Когда Танак вошёл в свою хижину, уже давно болеющая старенькая мать заворочалась под шкурами и стонала. Танак вздохнул, бережно поставил копьё на место и участливо склонился над матерью.

— Ай-Гитри, Ай-Гитри, — залепетала женщина на старинном наречии, почувствовав запах сына.

Из-под шкуры высунулась маленькая рука, испещрённая морщинками. Мать родила его достаточно поздно и очень любила.

— Мама, у тебя нет повода беспокоиться, — сжав родную ладошку, сказал Танак. — Я больше не охотник, и даже не воин. Пора нам учиться искать другие пути, кроме охоты.

От неожиданности старушка даже приподнялась, чего давно не случалось.

— Я поручу заботу о тебе сёстрам, — произнёс Танак, — а мой путь лежит в серебряные земли, где люди научились сохранять животных на камне.

Старушка задумалась на минуту. Вообще она была одной из самых мудрых женщин племени.

– Сын мой, – выдержав паузу произнесла старушка, – обратись к шаману. Иного пути нет. Мудрость только у него.

Танак склонился в почтении. Он решил не медлить и отправился к нему тот же час.

У хижины, где обитал шаман, его встретила жена Тай-Ти, и, на его удивление, склонилась в поклоне.

– Он давно ждёт тебя, – произнесла женщина.

Склонив голову, как и положено, Танак вошёл в хижину. Старик сидел на шкурах. Он был стар, очень стар. Никто в племени уже не мог сказать, сколько шаману лун и солнц. Повелительным жестом старик пригласил его сесть.

Старец держал молчание долго. Юноша терпеливо ждал. Он понимал, что старец видит сейчас гораздо больше, чем видел бы обычный человек. Он ждал, что старец укажет ему предназначение, и не ошибся. Жена шамана вошла и, незаметная как тень, села в углу. У шамана, видимо, не было возражения против её присутствия.

Наконец тяжёлый вздох шамана положил начало речи, в которой юноша услышал то, что так жаждал услышать.

– Русло реки твоей жизни, о сын великого охотника, скоро повернёт в другую сторону. Множество животных и людей оставишь ты навечно жить в камне. Не убивать тебе. Отныне суждено их сохранять. Навеки...

Но тут старец почему-то внезапно осёкся и закашлял.

– Да, это произойдёт. Но прежде, глаза мои плохо видят перед собой, но то, что далеко, они видят хорошо. Старые люди идут сюда. Старые люди всегда несут смерть и разрушение. Их нужно остановить, не дать им пересечь Чёрное ущелье. Танак, возьми с собой нескольких воинов. Многих не бери. Ваше преимущество в том, что вы хорошо знаете эти тропы, а они – нет; их всех нужно сбросить в пропасть, но их очень много...

– Мы сделаем это, – поднимаясь, уверенно сказал Танак.

– И последнее, – произнёс шаман. – После победы над старыми людьми тебе сразу нужно уходить.., уходить к народу, который сохраняет животных в камне. Это жестоко, знаю. Но на пути своего предназначения обратных дорог нет. Вернуться сюда означает для тебя утрату пути, а путь простого охотника – не твой путь.

– Я услышал тебя, Тай-Ти. Всё так и сделаю. Единственное попрошу, чтобы позаботились о моей матери и достойно проводили её на тот берег жизни.

– Об этом не переживай, – заверил мудрец. – Выступайте на рассвете, времени осталось мало.

Они покинули племя на самом рассвете. Дюжина крепких мужчин. Все старики, женщины и дети ещё крепко спали. Никто их не провожал, не плакал по обычаю. Мужчины хорошо понимали, что не всем суждено было вернуться обратно. Дикие старые люди беспощадны к врагам, они живут войной и разбоем. Их готовят к этому с детства. Когда-то, – много лун назад, два теперь разных народа, живущих по разные стороны горной гряды, были одним единым племенем и когда в их земли вторглись старые люди, они получили достойный отпор. Но так получилось, что война разделила один народ на два разных. Были большие потери, множество крепких мужчин погибло, после чего половина племени приняло решение отделиться и уйти в труднодоступные для чужих племён горные районы, чтобы никогда уже не воевать. Племя Танака же осталось при озере и долине. Прошло много лун и солнц и уже мало кто помнил, что два народа были когда-то единым целым.

Путь храбрых охотников занял два солнца (два дня), прежде чем они достигли Чёрной гряды, где кончался привычный мир и начинался за ущельем, обозначенным страшной пропастью мир неведомый, где никто из живущих не бывал, не пересекал черту никогда. Это было под запретом старейшин.

Узкий перешеек соединял два мира – внешний, откуда приходила опасность, и мир охотников, веками живущих под

защитой гор. Перед перешейком отважные охотники залегли за серыми валунами в ожидании противника. Танак был спокоен как никогда. Минуты покоя позволяли ему развить необходимую стратегию.

Продумав всё, он обратился к тем, кто пришёл с ним остановить старых людей.

– Тапум, дальше мы пойдём вдвоём. Остальные займут место здесь и будут ждать. Если мы не вернёмся, ваша задача – ценой жизни остановить старых людей!

Возражений не последовало. Все понимали, насколько всё серьёзно.

Танак и его сводный брат Тапум попрощались со всеми и вошли в пелену окутавшего перешеек перевала плотного тумана. Путь приходилось прокладывать почти вслепую, настолько туман был плотен и был риск вовсе не заметить приближающихся врагов.

Затем туман расступился так же внезапно, как и начался. Перед ними во всём величии предстал узкий проход между скалой и пропастью без дна, вызывающей трепет и холод в ногах. Но ещё больший трепет вызывали нависающие над пропастью скалы, местами гладкие и совсем без выступов, местами имеющие ступени. На них и указал Танак.

– Нам предстоит забраться наверх, – сказал он. – Ты можешь вернуться, отказаться. У тебя семья.

– Нет! – отрезал Тапун.

– Тогда лезем. Положиться мы можем лишь на свои силы.

Следующие часы превратились для двух охотников в самое настоящее испытание. Они карабкались, рискуя жизнью, по скале совсем не имеющей выступов, пока не достигли небольшой площадки, где можно было разместиться и увидеть сверху приближение врагов.

– Отсюда хороший обзор, – объяснил Танак. – Мы увидим их приближение, разведём костёр, его отблеск увидят наши друзья и преградят врагам путь. Мы же зайдём с тыла. Я уже был здесь.

Смотри, с другой стороны есть тайная тропа, выходящая к пути через ущелье.

Потрясённый Тапум промолчал, но потом спросил:

– Костёр они снизу не увидят?

– Нет. Они как раз – нет.

Потянулись томительные часы ожидания. Врагов пришлось ждать очень долго, и появились они только при свете взошедшей над ущельем полной луны. Мохнатые тени, освещаемые тусклым светом, шли одним единым потоком в большую цепочку, потому что ущелье позволяло перемещаться только так.

Танак уже разводил костёр из средств, принесённых с собой в специальной сумке. Отблеск костра помчался туда, где ждали друзья.

– Пусть горит, тут нет ветров, – произнёс он. – А мы с тобой, как я и хотел,отрежем им путь к отступлению.

Последующие часы превратились для двух охотников в уникальный забег. Не переводя дух, по очень узкой тропке между нависающей скалой и обрывом в пропасть бежать было крайне тяжело. Спасало только чувство равновесия, свойственное людям, выросшим в горах. Тёмные силуэты врагов при убывающей луне замаячили впереди и Танак велел остановиться.

– Будем следовать поодаль, ближе опасно, – предупредил он. – У них хорошо развит нюх.

– Наши встретят их там, а мы зайдём со спины? – спросил Тапум.

– Да, и неизвестно ещё сколько наших заберёт пропасть.

– Если это остановит их, я сам готов быть проглоченным.

Танак предупреждающе вскинул руку. – Началось, брат!

Очевидно, шедшие друг за другом цепочкой, старые люди не ожидали внезапного нападения.

Первые напоролись на копыта охотников. Шедшие в середине вступили в битву, насколько это позволила узкая тропа. Последние резко развернулись с намерением бежать, но тут их встретила

неумолимая смерть. Копьё Танака с хрустом вошло под рёбра «древнего», после чего выстрелил фонтан крови из перебитой артерии. Танак мощным ударом ноги отбросил убитого, следующий споткнулся о него и замах небольшой, но внушительной дубины оказался недейственным. Танак нанёс ему такой сокрушительный удар по скуле, что тот мгновенно улетел в пропасть. Но с десятков врагов, обратившихся назад, гонимых охотниками, заполнив тропу, представляли угрозу. Тела их были массивные, вместо зубов почти что клыки, и руки (почти что лапы) с буграми мышц, способные держать устрашающее оружие.

Так узкая тропа превратилась в место смертельного поединка. Напирая с двух сторон, охотники буквально смели превосходящий по силе отряд «древних» и долго ещё были слышны предсмертные вопли разбивающихся о дно ущелья полного острых камней. Вместе с «древними» в пропасть упали и трое из охотников. Им не суждено было вернуться домой.

Танак и подошедшие долго стояли на краю пропасти, призывая богов не гневаться за убитых врагов и прося обретение покоя за своих.

Все они молча вернулись туда, где начинались их земли.

— Ну вот и всё, — печально произнёс Танак, глядя в сторону ущелья. — Здесь наши пути расходятся. Я уйду как мне предначертано и не буду больше ни охотником, ни воином.

— За проход не переживай. Это наша миссия — его охранять, — сказал Тапум.

И тут все увидели, что недалеко на возвышенности стоит девушка, явно принадлежащая чужому племени. Потом подошли и другие; там были дети, старцы и молодые юноши.

— Моё новое племя, — произнёс Танак. — Прощайте!

Танак спешил навстречу протянутым с нетерпением рукам девушки из племени художников. Спешил навстречу новой жизни — сбывшемуся предначертанию.

Эпилог

Пещера. Урал. XXI век.

Мне снились отголоски непродолжительной, битвы произошедшей шестнадцать тысяч лет назад на узкой тропе, между скалой и пропастью. Всего лишь неделю назад мы с папой посетили несколько пещер Северного Урала, полных уникальной наскальной живописи, и для меня – девушки достаточно приземлённой, это стало буквально потрясением. Увидеть наскальную живопись не в каталоге, а воочию, вживую, дорогого стоит, поверьте! Я словно замороженная дура бегала от рисунка к рисунку и возле каждого задерживалась подолгу, несмотря на ворчание отца. Но особенно меня сразила сцена битвы, в которой одни воины сбрасывали других (более массивных) в пропасть. Рисунку было не менее пяти тысяч лет. Поражало то, как он был исполнен. От него перехватывало дыхание и вскоре ко мне пришла мысль о собственном предназначении на этой земле. Ну разве это когда-нибудь отпустит? Любовь к наскальной живописи полностью затопила моё юное трепещущее сердечко.

Тогда я спросила отца, неподалёку делающего специальные зарисовки:

– Пап, а ведь кто-то когда-то что-то нарисовал самым первым. Кто он был, самый первый художник?

– Нам этого теперь не узнать, – ответил отец. – Но так ли это важно? Главное, что он нарисовал, а другие продолжили.

Помню, тогда в полутьме пещеры я долго стояла, закрыв глаза. Мне привиделся молодой первобытный юноша. Он не жил ни охотой, ни битвами, и руки его вечно были перепачканы всякой краской, добытой из чего угодно. Его судьба была оставлять животных и людей на камне бессмертными. И хотя уже прошло шесть тысяч лет, как юноши нет в живых, сотворённое им продолжит жить в душе девушки из двадцать первого века. А потом, надеюсь,

в моих детях и внуках. И так будет продолжаться, пока Мир вновь не свернётся в первоначальный клубок.

ЮЛИАНА КОРОЛЁВА

ЭЛЬФ, КОТОРЫЙ ВЫШЕЛ В ОКНО

– Во-о-о-он! Тупые недоноски! П-шли во-о-он! Двоечники, лоботрясы! – орал профессор О. Фигель, швыряясь учебниками и пробирками в учеников.

– Я буду жаловаться в профсоюз! Шаги и вопли убегающих по коридору детей стихли за минуту. Профессор, нервно теребя бороду, вернулся в аудиторию. Там по-прежнему пахло клубничным вареньем. На учительском столе лежал недопрепарированный эльф и ворчал, что ему не платят столько золотых, чтобы терпеть безалаберность и непрофессионализм.

– Теперь-то вы довольны? – профессор уткнул руки в бока и шагнул к эльфу.

– Мы так не договаривались! Я буду жаловаться! – эльф испуганно покосился на тушу тролля, застывшую в углу под сковывающим заклятием и повёл плечами, подтягивая с пола прозрачные крылья.

– Ну полно вам, голубчик, – профессор быстрым взмахом волшебной палочки вернул внутренности эльфа на место, взмахнул ещё раз, и разрез на груди затянулся, словно его и не было. – Троль обезврежен, вы в целости и безопасности!

– В безопасности? Причём тут троль? Эти ваши недоумки меня чуть не сожрали! – эльф злобно прищурился, приподнялся на локте и сел, вытирая простынёй остатки варенья. – Я не потерплю такого хамства! Вас нужно уволить!

Профессор достал из кармана белый кружевной платочек и вытер со лба выступившие капли пота. Потерять работу не хотелось, к тому же он откровенно недоумевал, с чего эльф так

взбесился? Ладно испугался бы тролля — эти твари способны довести до седины даже друг друга. Но чего он взъярился на детей? Дети есть дети, они любят сладости; подумаешь, попробовали его немного. Как устоять перед ходячей кондитерской фабрикой?

— Надеюсь, эмм... Эта бутылочка коллекционного бренди из Полутораземелья поможет сгладить сей досадный инцидент, — профессор Фигель наколдовал пузатую тару в оплётке, нервно усмехнулся и, поклонившись, протянул её эльфу, словно самурайский меч воину.

Эльф недовольно фыркнул, но схватил бутылку за горлышко. — Может да, а может нет. Ещё проверить нужно, все ли внутренности на месте! — острыми зубами он выдернул пробку, мигом осушил содержимое до дна, так и не взглянув на этикетку. — И, клянусь, вам несдобровать, если шныг не найдётся!

Профессор потеревил бороду. Зря потратил на этого сноба дорогой напиток. Ведь берёг его на столетие маменьки. Но лишиться эльфа он никак не мог. Эти благородные создания (хотя о данном представителе такого не скажешь) столь редко соглашались поучаствовать в образовании молодёжи, что школам это обходились как жалованье всех учителей за учебный год. И если с эльфом случится беда, виноват будет он — профессор О. Фигель. Но он защитил эльфа. Спас!

Что поделать, если эльфы состоят из сладостей: по их жилам течёт клубничное варенье, а вместо волос сахарная вата и шоколад на самом деле производится... Впрочем, об этой тайне профессор никогда не упоминал, дабы не отбить у детей любовь к продукту.

Мало кто из учеников удерживался от удовольствия проверить, правда ли эльфы сладкие. Редко кто из эльфов так бурно реагировал, обходясь надбавкой за моральный ущерб.

— Пойдите, и-ик, погодите! — эльф вдруг вскочил со стола и завертелся на месте, как пёс, пытающийся поймать свой хвост. — Вы же обещали! И-ик! Но его нет! Я не чувствую шныга! Кто-то украл мой шныг!

– Как украл? – удивился профессор, убирая палочку в чехол на поясе. – Не может этого быть, я лично проверил.

– Вы не знаете, что будет, и-ик! Если его не вернуть! – эльф, шатаясь, поковылял к окну. – Позор! Мой клан будет опозорен!

Он забрался на подоконник, распахнул крылья и шагнул, позабыв раскрыть створку. Дребезг стекла разнесся в пустой аудитории.

Профессор О. Фигель, схватившись за сердце, подбежал и перегнулся через подоконник. Ни один эльф не мог летать без шныга. Да и не пытался. Этот дурень теперь лежал на клумбе небрежной кляксой, расплескав карамельные мозги по свежескошенной траве.

Профессор с трудом втянул воздух, быстро вернулся к столу, накапал в рюмочку узбагоина, выпил и сел, уткнувшись лицом в ладони. Придётся искать новую работу.

День явно не задался. В аудитории всё также пахло клубничным вареньем. Из дальнего угла хмуро косился обездвиженный тролль.

СЕРГЕЙ КАСАТКИН

РАССКАЗЫ ИЗ АВТОРСКОГО ЦИКЛА «РУССКИЕ ГРАБЛИ»

СОЛНЦЕ В МЕДУ

Я с дядей Аркашей иду по дороге через гречишное поле. Я оглянулся назад: нет нашего Ерёмкина — деревня скрылась за бугром еси. Там осталась моя родная сторона, а здесь для меня неведомые дебри, то есть просторы нехоженые. Я никогда не видел таких необъятных пространств. Кажется, полю нет конца и края. Не зря, значит, говорят: наша Родина — самая большая страна в мире. Наверное, при этом они имели в виду это гречишное поле. А у самого горизонта поле обступил частокол леса — словно ощетинившееся пиками степное войско, половецко-татарское — посягает на моё могучее поле.

— Притомился, малец?

— Нет, дядь Аркаша, ничуть!

— Ну, тогда присядем — молочка попьём!

— Это можно!

Дядя Аркаша осторожно постелил свой пиджак поверх гречихи. Его осмотрительность заинтересовала меня. Перехватив мой взгляд, спрашивает:

— Обратил внимание, сколько пчёлок работает в поле с утра пораньше?

Тут и я разглядел: на одном кустике примостилась одна пчела, взлетает вторая, приземляется третья...

— Вот, видишь, на одном кустике три пчёлки трудятся. А сколько их на всём поле? Тыщи и тыщи! Тьма и тьма! Три пасеки колхозные стоят вокруг поля. Пчёлы пыльцу собирают и в мёд её

перерабатывают. А заодно гречиху опыляют — повышают урожайность колхозных угодий.

— А как пчёлы пыльцу к себе домой носят? Во рту, что ли?

Дядя Аркаша подхватил пчёлку за крылышки.

— Смотри! Видишь, на лапках жёлтые комочки? Это и есть пыльца.

Жалко было смотреть, как пчела барахтается, не имея возможности пустить в ход жало.

— Ну, лети кормилица! — Дядя Аркаша подкинул её кверху.

Вот и лес. За первыми же деревьями открывалась лужайка, на которой в три ряда стоят пчелиные домики.

Сарайка и домик вроде бани прилепились к лесу.

— Кузьмич! — попробовал силу голоса дядя Аркаша. К нам навстречу вышел из сарайки крепкий старичок с окладистой бородой.

— Гостям рад! Гость дорогой, не купленный, даровой.

— Здравствуй, Кузьмич!

Взрослые полезли обниматься.

— Ехал было мимо, да завернул по дыму.

— Принёс гость мир, дал хозяину пир. Ты, Аркадий, смотрю, не один пришёл?

— Племянничка привёл. Ленинградского. Тамарин сынок. Тамару то помнишь?

— Как же забыть?! Народный просветитель. Библиотеку колхозную создала. И в какую только глухомань со своими книжками не добиралась. Трактористам в стан просвещение несла. И до меня светоч знаний донесла. Уважила старика!

— Мальчугана Сергеем зовут.

— Ну, а меня Фёдором Кузьмичём называй. Пчеловодец я, Сергей, над огромным воинством. Ты, чай, пчёлок не боишься, раз в гости к ним пришёл?

— Нет, не боюсь! Дяди Аркашины меня не кусают.

– Правильно! Пчела жалит только грешника. Ну, что ж мы стоим? В ногах правды нет! Прошу к столу! Сергей угощеньице моё попробует. Гость, не стой – хозяйина не томи!

Мы расселись за столом, а хозяин пасеки сходил в свою сарайку и вынес рамку с сотами. – Самый медосбор сейчас! Гречиха вовсю цветёт. А потому забот полон рот. Кручу ручку медовой мельницы. Душа радуется такому богатству – жидкое золото бочки наполняет. – Радуйся, что есть работа! Было: задождило лето, так пчёлы взятку не брали. Эх, отрадно солнышко любозреть!

При этом пасечник достал диковинный, изломанный в двух коленях, нож и стал срезать им восковую печать с сот. Открылись ряды маленьких дупел, заполненных мёдом. Вырезав соты из рамки, уходчик за пчёлами разделал их на куски. Они жирно шмякнулись на дно тазика, топорщась и грудясь друг на дружку.

– Ешь на здоровье, малый!

Я так понимаю, что пасечник предлагал есть мёд прямо в сотах. Мне так ещё не доводилось пробовать. Обычно я мёд намазывал на горбушку пышущего жаром хлеба. Я решил делать так, как старшие поступят. Дядя Аркаша подал пример – взял кусище и сомкнул на нём зубы.

– Ешь-ешь! Не стесняйся! А изжёвыши клади на тарелку. Я их перетапливаю в круги. И кооперация мне обменяет их на новые соты.

– А можно посмотреть круги? – робко встрял я.

– Отчего же нет? Фёдор Кузьмич принёс каравай воска и тонкую восковую пластину. Она оказалась на поверку не ровной, а проштампованной с рисунком сот. Диковинная штучка!

– А как же пчёлы мёд будут закладывать?

– А они сами нарастят соты. Ставь для пчёл дом-пчеляк! Полон будет он смака!

Я взял кусок по своему росту и вонзил зубы в сладкий пластилин. Вроде бы и тот же мёд при этом ешь, но совсем другое

удовольствие получаешь. И мёд не кажется приторным, а душисто сладостным, слаще конфет. Мёд этот с лёгким ароматом полей.

Над тазиком с мёдом вилось несколько пчёл, интересовавшихся: как гости принимают их угощение? – Очень вкусно! Честно говорю! Я такого никогда в жизни не едал!

На нашем пиру солнце было, наверное, почетным председателем и заводилой. Оно успевало быть всюду. И принялось оно плясать диковинные танцы на столе, прямо меж тарелок, радуясь и воодушевляясь щедростью плодов природы; и танцевать в балетных пачках, стоя на пуантах: на тяжёлых ветках липы, не дотягивавшихся до нашего стола, с заботливостью мамыши оберегая полёт представителей работающего племени пчёл.

Праздник удался! Праздник Солнца в Меду!

ОГОНЬ

Я вытащил из кармана спички. Достал из коробки одну и чиркнул ею о бочок, – так, как это делают взрослые.

Я никогда раньше не держал в руках этой занимательной штуковины – родители вечно припрятавали спички от меня. Я лишь издали дивился рождению маленького чуда, когда отец прикуривал папиросу. Две материальные вещи, две деревяшки соприкасались друг о друга, а рождалась неведомая жизнь огня – движение жара и света. Достаточно лишь сделать чирк – палочкой о коробочку.

А тут я слезаю с полатей и на шестке вижу – они, родимые! В доме никого: дядя Аркаша в мастерских – когда ещё придет, а Бабуш пошла по скотину, а потом схватила литовку и давай ею махать на лужке перед оврагом. На этом месте когда-то дом стоял – ещё яма страшная таится от погреба. Так тут мусорная крапива разрослась. А вот, где одворица была, там дивная травка растёт – ласковая, весёлая. Её часто косят – курам бросить порыться, поросёнку дать.

Я гляжу на озорно махающую бабушку сквозь маленькое кухонное окошко – и даже черёмуха и шесты, обвитые хмелем,

не скрадывают её широкую крестьянскую кость. Деятельную натуру не спрячешь...

Что делать со спичками в доме? Я вышел на крыльцо и понял, что мне нужно. Под лопасом дядя Аркаша строгал доски, и стружки образовали воздушную кучу. Кругом шастают куры. Они любят под навесом тенёк, прохладу и легкий сквознячок. Земля под лопасом испещрена лунками – в них куры принимают земляные ванны, так глиняной пылью они вычищают насекомых паразитов из перьев. В одной лунке и сейчас сидит белая курица. Вот она встала, похорохорилась, и обратно села.

Я выбрал дальнюю лунку в углу и соорудил из кучи стружек и щепочек большой щепяной замок. С замиранием сердца я сделал сопрягающее движения рук – вот он, таинственный чирк, рождающий невероятное. Маленький божок выскочил из-под рук и жадно накинулся на стружку.

– Ты, наверное, голодная? На тебе стружечку! На тебе щепочку! Вот, тебе за бабушку, вот тебе за дедушку! – так меня дома мама совсем маленьким кормила манной кашей. Я бросаю щепочку и шепчу: пусть Бабуш живет долго! Пусть дедушка выздоравливает, встанет с кровати, и мы с ним пойдём на рыбалку! Пусть мама не болеет! Пусть папа веселеет! Ведь ты, Огонь, доброе существо, вроде Солнца?! И с тобой можно договориться?! Ты меня слышишь?! Ты всё понял, о чём я тебя прошу?!

Я наклонился надо огнём и протянул к нему ладони, как будто согревая их в мороз, слушая внутренне трепетание души. И вдруг слышу над собой надорванный крик бабушки:

– Что ты делаешь?! Дом сожжешь – нас по миру пустишь! – Это она топчет мой огонь валенком в галоше. И, схватив веревку, бабушка хлещет меня ею куда попало. Никогда я не видел бабушку такой страшной и испуганной. Вот теперь узнал я её: Змей Горыныч с тремя головами, изрыгающий пламя из пасти и ноздрей.

– Вот пойдёшь в школу, там тебя научат уму-разуму!

Больше спичек я не брал – запрет действовал долго...

ТИГРИКИ И ЛЕОПАРДИКИ

Я сегодняшний день никогда не забуду! Двадцать шестое сентября. Кто бы мог подумать, что этот день выдаст что-нибудь особенное? А тем более душераздирающее?

А тогда, когда мне было пять лет, я, наверное, тоже думал, что не забуду этот день. Но ведь не упомяну: март то был или декабрь, первое или десятое. А всё потому, что в школе ещё не учился, и не следил за отрывным календарём, который теперь висит у нас перед обеденным столом. И каждый день, лишь только я проснусь, на нём появляется новый листик – именно сегодняшнего дня: есть между ними какая-то загадочная связь. Словно, если бы не было сегодняшнего листика, то и дня бы этого не случилось.

Я тогда очень увлечён был игрой...

В тот год мы ещё жили в заводском общежитии на Арсенальной. И мама водила меня в садик, где стоит памятник комсомольцу с портупеей на боку. И ещё, это очень важно, там был очень длинный коридор. Я по нему мог ехать на велосипеде целый час не заворачиваясь. И вот, когда мама вышла из комнаты – пошла на кухню проверить готовку, а, может, кипящие котлы с бельём.

– Мне туда проход запрещён, – я, обрадованный своей бесприсмотренностью и преисполненный хитрости, схватился за утюг, который мать поставила греться. Он нагревался очень долго, может, потому что очень большой и тяжёлый. Вот мать и решила сто дел сделать до того, как он станет способным превращать воду в пар.

Схватился за утюг я двумя руками и поелозил им по выстиранной наволочке. Результатом остался не доволен. Тогда я зачерпнул ладошкой воды из приготовленного тазика и побрызгал наволочку – лужица быстро впиталась: видимо, постельная принадлежность испытывала жажду. И я вылил ещё несколько ладошек по углам.

Теперь настала очередь утюга. Я снял его с керамической плитки и поставил на простыню, ой, то есть наволочку. Потрясающее зрелище! Утюг исчез за ревушим паром словно крейсер в разрывах снарядов или горящих переборок.

И вдруг...

– Что ты делаешь?! – надрывный мамин крик.

Я дёрнулся с утюгом. Ну, испугался я: нельзя же ведь; запрещено мне утюг трогать. Утюг при этом развернул ко мне свою ощеренную пасть. А моя рука обречённо пошла ей навстречу.

Вот, смотри: видишь, на правой руке остался белый треугольничек? Это память того дня. Ох, мама тут взъерепенилась. И тогда я впервые почувствовал вкус ремня. Лупцанула она меня разок сильно и въедливо в память.

Вот. А сегодня мы на продлёнке играли в Соловьёвском саду. Как пришли в сад, девочки побежали налево по дорожке и вглубь; а мальчишки по правую руку от колонны с орлом принялись играть.

И я себе пару подыскал: с Витькой Червяком стали придумывать чем себя занять. Я ему рассказываю, как в воскресенье ходил в Зоопарк с отцом. Ему завидно: его родители никуда не водят, и вообще им не занимаются. Мы с ним стоим на дорожке, посыпанной крупным красным песком.

Я ему говорю:

– Не унывай! Я тебе покажу зверей, каких видел в зоосаду. А ещё я смотрю по телеку программу про животных. Мне её всегда разрешают смотреть. Вот представь себе: что мы в пампасах. Кем бы ты хотел быть?

– Космонавтом!

– Нет! Каким животным ты хотел бы себя представить? Мы в них играть будем.

– Тогда тигром!

– Ну вот. А я, пожалуй, леопардом стану. Мы с тобой вышли на охоту. И посреди пампас напоролись друг на друга. Ну, давай!

Никто не хочет другому уступать. Видишь палку? Пусть она будет добычей – Антилопой Гну. Я её завалил. А ты хочешь у меня её отнять! Ты голоден и кровожаден!

Как мы тут зарычали друг на друга. И почему-то вскоре перешли на все четыре лапы. И рык наш стал очень похож на собачье оскаливание.

Антилопу мы-таки поделили: один конец палки я зажал зубами, а другой – он. Тянем к себе – скалим зубы. Поняв, что силы хищников равны, мы руками переламываем палку пополам. И скачем, каждый со своей полутушей по просторам пампас.

Оказывается, можно быть хищниками и оставаться друзьями при этом!

Только как это объяснить моей маме. Она наотрез отказывается понимать моё научное открытие: – Тигрики, говоришь? Леопардики, говоришь? А во что ты превратил новый школьный костюм?! На двадцать шестой день учёбы! Будешь целый год ходить с дыркой на колене! Срамотище какое! Да у меня и денег нет на новый костюм, чтоб ты его через неделю в лоскуты изорвал! Нет, учить тебя надо! Вот этим! – из-за спины мама вытаскивает отцовский ремень и наотмашь бьёт им меня по коленям...

КАК Я НЕ СТАЛ АКТЁРОМ

С начала пятого класса я стал ходить сразу в три кружка. Исторический посещаю в Эрмитаже. Шахматный – в ДК им. Кирова, причём дважды в неделю. А ещё Витёк затащил меня в ДПШ, на углу Семнадцатой и Большого – там организовывался театральный кружок.

Так что, считай, все дни у меня заняты – не до дворовых игр...

И всё же, когда Федя объявляет большой футбольный день, я присоединяюсь к компании. Разумеется, в дни свободные от кружков – это понедельник, суббота и воскресенье.

Когда в ДПШ ты поднимаешься по широкой деревянной лестнице, скрипучей и рассыпающейся от инвалидной старости, то окажешься

перед дверью, за которой перед тобой неожиданно возникнет огромный зал, ну, где-то человек на двести. На сто уж точно! Это и есть Театральный зал. В конце зала из темноты возникает освещённая юпитерами сцена. Среди будущих актёров я с удивлением разглядел Жмурку. Вообще-то она Шурка. А Жмуркой её обозвал Юрка Граф – цепляет он эту девчонку, пришедшую в наш класс нынешним первым сентябрём.

Руководитель кружка объявил нам, что к Новому году мы будем ставить сказку для новогодней ёлки.

– Вашими зрителями, ребята, будут такие же школьники, как и вы. Скорее даже – из младших классов. Так что, главное, ребята, не робейте!

В этой новогодней пьесе мне дали роль учёного-чудака, который ходит по сцене со своим сконструированным чёрным ящиком, который всё видит насквозь. Благодаря этому ящику Дедушка Мороз и Снегурочка смогут обрести подарки, спрятанные от детишек злой Бабой-Ягой. В последней сцене я скромно самоустраняюсь, предоставляя все лавры Деду Морозу и Снегурочке.

Когда нам надоело репетировать Сказку, наш режиссёр приносил шпаги: – Это, ребята, рапиры. В следующем году мы будем репетировать пьесу «Ромео и Джульетта». А пока, мальчики, поучитесь дуэльному бою...

Мне очень нравится делать выпад. Левая рука при этом очень смешно поднята над головой – колесом. И, когда наносишь удар рапирой в сторону противника, выпрыгивая вперёд, то задняя рука словно подаёт кому-то кисть для пожатия. Таковы уж были средневековые предрассудки феодальной знати.

Наступил знаменательный день театральной премьеры. Детишки у ёлки перед залом получили нарядные кульки с конфетами, и теперь, рассаженные по местам, шелестели фантиками. А мы через дырочку в занавесе поглядываем в зал: какой он из себя, наш зритель? Кажется, никто не смотрит в сторону сцены – все заняты своими делами-обсуждениями. Но вот, звенит третий звонок. Детей

успокоили. Занавес рывками пошёл в стороны. Мальчик Петя и девочка Маша – активные представители красногалстучной пионерии, пример и надежда октябрятской поросли – вызвали с Северного Полюса Деда Мороза со Снегурочкой, чтобы они по случаю наступления Нового года вручили детишкам подарки. Прозвенел зуммер, и появились лохматый дедушка в красном и его раздурманенная внучка в голубом. Прибыли они грустные и опечалили Петю и Машу: подарки мы заготовливали целый год, а злая Баба-Яга украла их и спрятала. Но Петя не растерялся и позвонил учёным, чтобы они помогли им в поиске пропавших сокровищ.

Я Пете из-за кулис отвечаю по бумажке: – Мы вам, Петя и Маша, поможем! Сейчас я к вам прилечу на самолёте!

Меня толкает в плечо Анатолий Михалыч: – Ну, иди, Сергей! Не бойся!

Я шагнул вперёд. И огромная волна света захлестнула меня с головой. Я утонул в этом цунами и ничего не видел почти вокруг. Точнее, видел, но не слышал. В общем, слух мой разошёлся с глазами. Я вцепился руками в чёрный ящик и ещё крепче прижал его к своему пузу. Сделал ещё два шага вперёд, а слов не найду на языке – оставил их за кулисой. Я стою перед Витьком и Жмуркой – какие Маша и Петя, к чёрту?! Что за чушь придуманная?! Но молчу. Ничего им не говорю. Они уже губами шевелят, – видимо, пытаются мне подсказать мой текст по пьесе. А я испугался не их, а страшной темени зёва зала. Меня объял ступор. Мне представилось, что стены зала исчезли и на меня смотрит весь мир...

И тут слух ко мне вернулся. Я слышу из-за спины: – Я прибыл к вам помочь найти подарки! – это Анатолий Михалыч шепчет-надрывается чуть ли не на весь зал. – Я прибыл к вам...

Голос мой звучал деревянным стуком – я его не узнавал. И всё же шестерёнки пьесы закрутились, хоть и со скрипом...

Так я сегодня и внял голосу судьбы: великим актёром мне не стать...

ВИЛЫ – ЕЩЁ ТЕ РУССКИЕ ГРАБЛИ

После седьмого класса я гостил в деревне.

Андрюшка-братан пригласил меня в свой колхоз:

– Сенокос начался. Пойдём, помахаем вилами! Председатель пообещал лучшему работнику подарить часы золотые.

– А я с тобой вместе буду?

– Конечно, в одной бригаде будем.

– Здорово! Я согласен!

На золотые часы я не заглядывался. Хотелось сильных трудовых движений. Общего коллектива, связанного единым порывом трудовых свершений. Я ещё никогда не трудился на пользу общего дела.

Утром рано, с вилами на плече, мы шагали от магазина на раздольные поля вдоль по Идыку, до его впадения в Валу.

– Наша бригада есть полное воплощение дружбы народов, – распинается Андрюшка в дороге. – Верное зеркало нашего колхоза. Не даром, он называется «Россия». Ильгизар, к примеру, татарин; Паля – удмуртка. А Алепти – марийка. Полный симбиоз дружбы и труда.

– А по-русски что означает твоё имя? – спрашиваю я у Алепти.

– Алевтина.

– А твоё имя, Паля?

– Моё имя по-нашему означает «барашек».

– А по-русски оно как будет звучать?

– Пелагея.

– А зачем тебя родители барашком назвали?

– Чтоб в доме было сытно и тепло. Барашек кудрявый, шерсти много даёт.

– А что Ильгизар означает?

– «Тот, кто объедет всю страну». Мой отец печален бывает, что нигде не бывал. Наказал мне объехать нашу страну. Я хочу стать путешественником.

Мы пришли в поле. Железная загребалка на конной тяге бегала вдоль, собирая сено в валки. Наша бригада взяла свой рядок. Ребята грудили сено в копёнки, а девчонки грабили за нами, подчищая граблями. К нашим копёнкам подъезжали ребяташки третьего-пятого класса верхом на конях, впряжённых в волокуши. Это три берёзины тащатся за лошадьё. И на эти волокуши мы накладываем сено. А ребяташки со свистом и понуканьем чуть ли не галопом отвозят сено к растущим стогам. В общем, дело идёт.

А я всё интересуюсь:

– Ильгизар, а ты по-татарски можешь говорить?

– Нет, только несколько слов.

– Ну, какие, например?

– «Рэхмет» – спасибо. «Айбат» – хорошо. Я – будет «мин». Ты – будет «син».

И вдруг Андрюшка как заорёт: – Ты, мне в ногу вилы засадил!

Я и сам теперь вижу, что вилами пригвоздил его к земле. Отдёрнул я вилы. Снял он кеды. Смотрим: ноготь раздробил. Да-а-а, серьёзные дела! Но, к счастью, кость цела.

Аукнулись мне эти вилы. Родного брата на вилы сажать, где это видано?!

Придя домой, а жил я у дяди Аркаши, – я поставил вилы у стенки, а сам полез на сеновал – решил покататься сверху вниз.

И надо ж так было случиться, что я напоролся на эти самые злополучные вилы. Поставил я их кверху жалом. Чуть задом на них с размаху и не сел. А так, разорвав треники, гвоздюка распорола-поцарапала мне бедро. Хорошо, хоть не убился. Спасибо и за то!

СОЛДАТЧИНА-КУРСАНТЧИНА

Четыре года по вторникам мы занимались на военной кафедре. И теперь нам должны присвоить лейтенантское звание. Приходили

из Академии Жуковского:

– Есть желающие стать настоящими военными и служить в космических войсках?

Даже без потери курса, то есть с четвёртого на пятый к ним. Но никто тогда не выразил «ярко выраженное желание».

– Тогда послужите месяц в солдатах!

Первого июля мы прибыли в воинскую часть. А уже пятнадцатого принимали присягу на верность своей Родине. Этот день запомнился как выдающийся: нам выдали по яичку на завтрак.

Потрясением для меня стало общение с одним солдатиком, когда мы знакомились с ракетами:

– А на кого нацелена эта ракета? На Америку? Или на кого поближе?

И он мне чистосердечно докладывает:

– На Псков. Дальше у неё дальности полёта не хватит.

– Как же так? По своим что ли целим?

– Нет! Но вот когда супротивник маршем возьмёт Псков, мы по нему и долбанём!

Восемнадцатое число! О Боже!

День прошёл незаметно. Время: без пяти минут «двадцать один ноль-ноль». Через пять прозвучит команда: «Выходи на плац строиться!». И будем мы маршировать час-полтора – на усмотрение начальства.

И вдруг, зазвенели стёкла в казарме. Подбегаем к окнам. Ветер-перерожденец налетел невидимой собакой и стал валить необхватные тополя, стоящие по краю плаца аккуратной лесенкой.

Как мы все обрадовались нежданной стихии! Будем весь вечер сидеть у телевизора! Как бы не так...

Через час звучит команда: «Закатать шинели в скатку и строиться повзводно!».

И пёхали мы по шоссе всю ночь – короткую июльскую, дивясь по сторонам, как ровненько смерч укладывает деревья полосой:

метров пятьдесят в широту — все повалены, до единого; а метр отступишь в сторону — все целёхоньки!

Куда идём — начальники нам не говорят.

Но вот отвернули от шоссе — пришли на место. Оказалась база отдыха.

Картина предстала живописуемая: корабельные сосны переломились в коленях и легли животом, раскидав руки в стороны, на мизерабельные дощатые избушки. Кровля смялась, как бумага, а стены просели чуть не до пола. А живы ли люди внутри? Никого не видать, лишь женский плач со стороны озера слышен, которое видно сквозь стволов частокол.

Начальники нам дали указание спасать людей — снимать деревья с крыш. А как? Чем? Если мы пришли с пустыми руками. Что они думали сами?

Новость сообщили: женщины турбазы просидели эти пять часов в воде, боясь выходить. Их извлекла из притопленного состояния наша доблестная дружина.

Тут и я обнаружил начальника турбазы, завхоза, короче. Он всё печалился:

— Как я буду отчитываться за недостачу?

— У вас есть какие-нибудь инструменты?

— У меня почти ничего нет!

— Ну, а пилы, топоры есть?

— Есть, но я вам не дам!

— Но мы же пришли к вам на помощь! А пустыми руками мало чем сможем помочь. Дайте инструмент! Я верну!

— Нет, не дам! Пропадёт.

Я в конец рассвирепел:

— Именем Советского Трибунала я приказываю вам выдать нашим солдатам пилы и топоры!

Пузатый Краснощёк стал сморкаться от слёз, вытаскивая из-за дверей каморки:

— Есть одна пила и два топора.

– Верну всё тебе, дядя!

Ребята хорошо поработали, а потом прозвучала команда «Отбой!», и мы побросали инструменты на месте.

Ну и как после этого верить курсантам?..

ЗАЗНОБУШКА

Под Новый год я разорвал дипотношения со своей пассией и поехал в деревню отметить начало новой жизни. А если «новая жизнь» не заладится, то хотя бы въехать в Новый год прочувственно, в интерьере лавок-самоваров и в экстерьере заснеженных полей. Хотелось зализать раны измочаленной души: я уже не мог смотреть на этот город, где каждый булыжник напоминал мне о ней и готов был треснуть, выдавливая скупую каменную слезу.

Есть добрая деревенская традиция заканчивать просмотр кина танцами. Со дня моего последнего посещения этого культурного мероприятия (которое закончилось бегством на карачках вследствие мгновенно вспыхнувшего чувства антипатии ко мне на почве ревности у скороспелого друга) прошло семь с лишним лет. И за это время танцульки стали называть дискотеками. Иных уж нет. А Пашка тот утоп со своим трактором, свалившись с моста в мартовскую полынью. Да и я возмужал в плечах-с-раменами, заматерел сердцем: годы они и в Африке годы – отлагаются печатью на челе морды-лица.

После фильма мой братан Андрюшка, по совместительству учитель истории в местной школе, подвёл меня к своей учительской компании.

Мне, честно говорю, одна понравилась сразу. Хохотунья, а глазками стреляет влево-вправо, туда-сюда – вжик. И одеваться любит ярко – в шерстяное красное платье. Ну, и как такую не заметить?! Конечно, про себя мне понятно, что я попугай самцовой породы: бросаюсь на всё броское. Ну, а что я с собой могу сделать?

Проводил я Гулю до её дома – школа предоставила избу учительницам на двоих, как общежитие. Я, конечно, поинтересовался:

– Что означает твоё имя?

– Полное моё имя Гульнара. По-татарски это значит «украшенная цветами» и ещё «гранат».

– Тебе очень подходит твоё имя!

На прощание спрашиваю:

– А завтра тебя можно увидеть?

– У нас в школе ещё занятия не кончились.

– Ничего, я на уроках посижу – на тебя полюбуюсь, как ученик.

– Последний урок у меня в четвертом классе. В два часа начнётся.

– Окей! – ввернул я новомодное городское словечко, – Договорились!

После школы я проводил Гулю в соседнюю деревню Пестерёво, что в километре от посёлка Надежды, за рекой.

Пришли мы в холодную, стылую избу. Надо было начинать с самых насущных вещей: печь затопить – нужны дрова. А у девчонок дрова не наколоты. Так что, назвался груздем – берись за топор! Гулина подружка не объявлялась – оказалось, в гости подалась. Гоняли мы весь вечер чай, а я всё никак не мог налюбоваться на свою хорошую...

Вышел я в морозную жгучую ночь. Звёзды настудились алмазами-самоцветами. Шагаю широко через мост-речку и остановился от полноты душевной щедрости: я люблю зазнобушку Гулю! Я люблю этот снег поскрипывающий, я люблю эту чёрную пропасть над головой!

И пределов любви моей нет!

И откуда-то во мне родился такой чистый сильный нутряной голос, и песня понеслась по-над раздольем:

Ты постой-постой! Красавица моя!

Дай мне наглядеться, радость, на тебя!..

АЛЕКСАНДР ДОКУЧАЕВ

ЛАБИРИНТ

Обессиленно она опустилась на кровать, откинулась и сладко потянулась.

– Как я устала сегодня! Поспать, отдохнуть полчаса.., и – за дела...

Только она смежила веки, только набежали первые сладостные облачка сна, как из глубины – из темноты и пустоты послышался отчаянный лай. Он усиливался, разрастался. Лающее существо страдало, просило о помощи.

– Ну вот, – недовольная мысль чёрной бабочкой порхала в её голове, – соседи привезли на выходные «радость»... Привезли, а сами в гости подались.

Она подумала о студенте, которому поставила сегодня низкую оценку и почувствовала прилив вины. Парень всё сделал хорошо. Он сразу признался, что ему помогали друзья, но чёрт меня дёрнул спросить у него про «логический квадрат» и где здесь в задаче общий «предикат». Парень замялся, стушевался... Она стала помогать ему, выводить на тропу ответа, но тот свернул и совсем запутался. И замолчал.

– Ну и какую оценку вы хотите получить для себя? – Спросила она.

Юноша покраснел, прямой с горбинкой нос вздёрнулся:

– Три!

– Хорошо, – и она поставила в его зачётку жирную уверенную тройку.

Остальных студентов она почти не слушала. Они показывали ей рукописные листы, в которых одно к одному было то же задание

и те же ответы. Тройка их устраивала, но парня было жалко. Он вышел первым, чётко раскрыл тему. Но вот задача... Машинально, досадуя на себя, она поставила всем средний балл.

А лай всё усиливался и, казалось, что он эхом отзывался слева, справа и откуда-то из-под пола.

– Надо отдохнуть, – подумала она, завтра ещё один зачёт по логике в девять утра.

Ох, не любила она утро отдавать поездкам! Себе и только себе! Неспешные мысли, обдумывание планов, простенькая гимнастика и ласкающий душ. Потом лёгкий завтрак и любимое дело – рукопись об истории древней цивилизации *догменов*, исчезнувшей в небытие в III веке до нашей эры в жгучих песках алжирской пустыни. Эти высокие, судя по останкам, гиганты поклонялись мохнатому богу на четырёх лапах с человеческой головой. Об этом говорили рисунки на черепках посуды и костяные амулеты.

Лай нарастал. Ему откликались собаки с улицы. Видимо, сбежались послушать сородича. Сна – как не бывало. Она включила электрочайник и насыпала горсть зелёного чая в фарфоровый заварник, подаренный её бывшим дружком.

– Эх, не люблю я эту живность! Ни собак, ни кошек! От них зараза всякая и грязь! Брр!..

Ей хотелось отвлечься, но в голову лез этот студент, смущённый и неловкий, а уши заполнял бесконечный гомон лающей собачьей ватаги. Стоп!

– Надо с этими соседями познакомиться и высказать всё!

В какую бы комнату она не заходила, лай слышался отовсюду: на кухне, в ванной, в маленькой гостиной.

Квартиру она приобрела год назад с большим трудом, влезла в долг на пятнадцать лет и сейчас исправно отработывала его, берясь за любую работу: подвернётся логика – преподаёт логику, предложат педагогику – берётся за неё, нужна этика бизнеса – пожалуйста! Вот такой пёстрый расклад. Вчерне готова была у неё диссертация, где она попыталась совместить педагогический

и культурологический аспекты и научить молодых менеджеров нравственно вести деловую жизнь. Диссертация уже ходила по инстанциям, по рецензентам... Она набирала капитал: писала статьи для научных публикаций, вела бесконечные телефонные переговоры. Защита намечалась на май, а сейчас – Рождество, и на телевизоре стояла маленькая искусственная ёлочка да свечка, так и незажжённая.

А скулящее существо, казалось, выросло до огромных размеров.

– Да, не зря говорили мне коллеги по работе: не бери первый и последний этажи – намаешься. Но ей сразу понравилась эта светлая квартира-скорлупка. Она тогда ещё не знала, что приобретая квартиру, ты получаешь в придачу и соседей, и место под окном, и окрестность, и кусочек неба и ещё много такого, что не входит в ценники, но так достаёт или радует потом.

– Бывают же такие бестактные люди! – возмущалась она, заваривая чай. – Устроили на праздник «подарок»! Собачка, наверно, гуляет, вот псы и сбежались на зов, вот и гавкают под окном.

Возникла дикая идея. Встать в гостиной на стул, подставить к потолку дощечку и стучать по ней молотком, что бы им – соседям – тоже стало несладко, как ей сейчас...

Пригубив душистый травяной чай, она ощутила, что внутри неё всё отзывается на жуткий лай, каждая жилка дрожит.

– Совсем нервы никудышными стали. И чай – не в радость.

Она накинула пальтецо, открыла входную дверь и поднялась на площадку второго этажа. Долго и нетерпеливо нажимала кнопку звонка. Открыла заспанная женщина, русые неряшливые волосы.

– Вы не могли бы свою собаку успокоить?! – она сходу срезала недоумённый вопрос в глазах пожилой соседки.

– У нас нет собаки.

Опешила. Отступила назад.

– Но ведь кто-то лает. Слышите?

Женщина прислушалась.

– Да... Это, кажется, выше. Там у кого-то есть пудель.

– Извините, пожалуйста!

Дверь захлопнулась, она возвратилась назад в беспокойную квартиру. Лай расплзлся по квартире: лаяли стены, потолки, книги, все предметы – на которые падал взгляд. Она ходила по квартире, пытаясь успокоиться: откуда же лай, когда он – везде? Неужели, внизу – в подвале?..

Панельная пятиэтажка, и правда, имела внизу маленькие окошечки, которые были у кого – заложены кирпичом, у кого – забиты фанеркой, у кого просто перекрещены двумя дощечками. Это была беда дома – подвал. Грязный, вонючий, весь в извилах ржавеющих труб. Когда-то в нём прорвало канализацию. Целое лето гнилая дрянь плавала по мутному озеру подвала. Из окошечек летели стаи комаров, норовя проникнуть сквозь оконные сетки и марлевые занавески. Часто донимали летом эти кровопийцы, не помогали ни дурно пахнущие пластинки, ни другие средства от комариной братвы.

Она подошла к большому окну, отёрнула синюю льняную занавеску.

Ясное рождественское небо. Мороз на радость людям ударил по-настоящему, выбелил и обволок кружевами все веточки притихших деревьев и кустов. По дороге пробежали четыре собаки разных пород. Они свернули к дому и стали совать морды как раз в то окошечко внизу, которое было выбито ещё с осени какими-то разгульными молодцами. Оглохнувшая от лая, женщина снова вышла на площадку и спустилась к двери, которая вела в подвал. На ней красовался огромный замок.

Дома она взяла телефон и набрала «01». Гудок, и на том конце подняли трубку.

– Алло! Это пожарная или служба спасения?

После долгой паузы мужской голос осторожно произнёс:

– А что вы хотите?

Она, как могла, изложила ситуацию: собака в подвале всему дому спать не даёт.

Голос изрёк:

– Мы с собаками не работаем.

Она чуть не онемела.

– А с кем вы работаете?

– Мы работаем с людьми!

– А мы – не люди? – она стала ещё что-то судорожно говорить по своей педагогической привычке, пытаясь достучаться до сердца чиновника. Тот вежливо отправил её в ветеринарную службу.

– Они сегодня не работают, а завтра воскресенье.

– Тогда звоните в ЖЭК.

– Какой?.. У всех один режим работы.

– Хорошо. Позвоните в понедельник. Мы не будем искать ваш ЖЭК.

Вой и лай кружились вокруг её ушей комариным облаком и, казалось, хотели проникнуть в душу.

Она опустила трубку и сделала несколько грустных умозаключений: никто тебе в этом мире не поможет, ты можешь спасти себя только сама. Но как? Как? К кому взывать? Куда деться от этого лая?! Остановись! Надо успокоиться! Над её головой возник студент с виноватой улыбкой, ужасное существо древних *догменов* и неясных очертаний собака. Пытаясь отогнать видения, она сделала несколько звонков по большому толстому городскому справочнику. Везде в ответ были длинные гудки.

– Почему я живу в провинции, а не в цивилизованном городе? Там есть общество охраны животных! Там есть службы спасения! Почему здесь всё так по-глупому?!

Последний ответивший голос принадлежал дежурному поисково-спасательного отряда, но мужчина в трубке тоже меланхолично объяснил, что раньше была у нас служба отлова бродячих собак, теперь её нет, и посоветовал позвонить в полицию – пристрелят и делу конец.

В полиции объяснили, что они могут применить табельное оружие только в случае нападения животного на человека. Всё это окончательно вывело хрупкую и маленькую женщину из равновесия, и она пошла на кухню, быстро отрезала большой кружок колбасы, отломала край батона, завернула в пакет, еле втолкнула всё в карман пальто. Затем, порывшись в коробке, которую давно оставили ремонтники, взяла большой молоток и снова вышла из квартиры.

Удар! Ещё удар! Замок был большой, но дверь, ведущая в подвал, и крючок, который висел на ней – хлябали. Удар! Ещё удар! Крючок сорвался с петли и полетел к ногам. Из раскрывшейся двери запахло тёплым противным запахом человеческих испражнений. На лесенке, ведущей вниз, было темно, а дальше в подвале кое-где горели лампочки. Да, это лаяла собака и где-то прямо здесь. Но это оказался не подвал, а целый лабиринт. Вход в него был очень узкий. Сверху капало, свисали огромные, обмотанные изоляцией электропровода, и дальше шли казематы лабиринта.

– Жучка-Жучка! – позвала она бедное существо и стала говорить простым, наполненным добротой, голосом куда-то в полутёмное пространство. – Ну, иди сюда! Будь умницей! Иди, и я тебя выведу. Тузик-Тузик! Иди, покушай...

Она держала в руке кружок колбасы. Что-то серое и грязное пробежало мимо неё и, остановившись, заскочило в один из казематов и там завыло. Она наклонилась, прошла под трубой и ступила на дно подвала. Новые зимние сапожки, которые она, собираясь второпях, надела на ноги утонули в мутной жиже. Она шла, на неё что-то капало и сыпалось. Нагнувшись, она пробралась на свет, где лаяло существо собачьей породы. Вот оно! Не понимая ничего, лает в открытое уличное оконце, из которого видимо и попало сюда в подвал. Оно прыгало и не могло достать до выхода своими короткими лапами. Всё в грязи (даже не определить, какого

цвета) с огромным брюхом, оно залаяло на человека, метнулось в ноги, проскочило и убежало в другие закоулки лабиринта.

— Сумасшедшая! — подумала женщина и стала пробираться к выходу. — Наверное, собака ошалела от испуга, одиночества и безысходности.

Вернувшись к дверям, она долго ещё звала дворнягу. Но издали слышался только дикий лай. Оставив еду на полу, она вышла из подвала и с досадой заметила, что вся испачкалась: сапоги в липучем веществе, пальто в полосках белил и подтёках грязной воды.

— Боже мой! Боже! — она выбежала на крыльцо. Вдохнула резкий, игольчатый рождественский воздух. Попыталась почистить о снег сапоги, купленные на выкроенные от долга деньги, но грязь мгновенно примерзала к ним. — Боже, за что мне такое испытание?!

Космическая красота звёздной ночи не радовала её, мороз гнал домой. Она вернулась в свою скорлупку с ясным осознанием бессилия, и, чётко понимая, что никто ей сегодня не поможет.

Отмывая сапоги в ванной и, преодолевая волну тошноты, она вдруг поняла, что собака ещё более несчастна. Да, это она бегала сейчас взад-вперёд по подвалу без имени, без тёплого угла, не видя открытой двери, не чувствуя запах еды. Помнила только оконце, через которое влезла сюда, сорвалась и упала в одну из темниц подвала. И больше ничего. Можно только бессмысленно бегать, лаять и выть от непонимания всего, что происходит вокруг.

— Как помочь, если она не слышит тебя? Пристрелить? А за что? Спасать? Но кто подойдёт к совсем озверевшей и взбешённой от отчаяния собаке?

Вода хлестала из крана, пенясь и пузырясь. И падали тяжёлые слёзы. Жизнь свивалась в стройную цепочку событий. И на одном конце цепи было безоблачное детство, студенческий Питер, где все тебя любили и ценили просто так — ни за что. А на другом конце — последние годы суетной работы, горькое бабское одиночество,

горечь от невозможности иметь своих детей и мутный осадок клубившихся туч над стариками родителями из-за непутёвого, всё пропивающего сына – её родного брата.

Она долго мыла мыльной водой руки, вытирала заплаканное лицо. А потом подошла к окну и навалилась лбом на холодное стекло. Собака притихла там – в казематах подвала, или устала и обессилела, или тоже думала о ней – созвучной одинокой душе. За окном гроыхало и сверкало. Весёлые хмельные компании взрывали китайские петарды и окрестности освещались огнями, затмевая на время звёздное рождественское великолепие. Переливался перламутровый иней. Узорчато расписанные веточки свешивались, обсыпанные снежным сахаром, словно игрушечные украшения. Сказочно, как в детстве, скрипел снег под ногами прохожих. Собака в подвале опять заскулила, надрывный звук приближался и рос. И, прижавшись, к ночному окну скулила маленькая женщина. Это единственное, что можно было сделать в горькую минуту.

На столе лежали рассыпанные листы рукописи о древнем племени, приручившем непонятное четвероногое существо, сделавшего его богом своего рода, поклонявшегося этому странному богу. Со страниц доносился монотонный молитвенный гул, и сильно пахло дымом костра. Над бумагами, сквозь пламя костра, виднелось лицо паренька с пробивавшимися над верхней губой усиками. Он поднимался, рос и вот уже сидел за экзаменационным столом и ставил на каждом листе такие жирные и такие знакомые цифры...

Из забытья её вывел телефонный звонок, и усталый немного озабоченный женский голос спросил:

– Это у вас животное попала в беду?

– Да-да!.. – И она начала судорожно рассказывать вечернюю историю с самого начала. Женщина, не прерывая, всё выслушала и подвела итоговую черту разговору.

– Мы приедем. Но не сразу. Мне надо обзвонить ребят. Сегодня праздник – большинство отдыхает. И добраться в ваш отдалённый район не просто. Придётся искать машину...

Тяжёлый камень свалился с души измучившейся женщины. Она опустила на кресло, откинулась в нём и провалилась в сон. Проснулась от тишины. Ни лая, ни воя – только скрипучие шаги за окном и шум изредка проезжающих машин. Она заглянула на кухню, отхлебнула из чашки остывший чай, вновь включила чайник и тут в дверь позвонили.

На полутёмной лестничной площадке стояла невысокая женщина в рабочей куртке. Широколицая, со вздёрнутым носиком, она приветливо улыбалась. За её спиной – четверо высоких парней в потёртых кроссовках с головными фонарями на спортивных шапках.

– Здравствуйте! Я – Валентина. Ну и где же наша собачка?

Виновница вызова замялась. Ей почему-то стало неудобно: собрала людей, а животину и не слышать. Может, собака выбралась сама. Может, ей помогли. А может, уже и не жива...

В странном замешательстве проводила она гостей до двери в подвал и осталась ждать на площадке. Время тянулось нестерпимо медленно. Собака не подавала никаких признаков того, что она вообще была и существовала полчаса назад. Женщину хлестал стыд и чувство вины. Перед ней шумно и весело пробежала семейная компания. Они поздоровались, она тоже, хотя совсем не знала жильцов подъезда. А зачем знать? Да и некогда.

Но вот, озябнув, она вернулась в квартиру. Мелькнула мысль:

– Надо напоить спасателей чаем!

Засуетилась. Стала рыться в шкафу, вытащила большую банку дорого кофе, несколько коробок шоколадных конфет, подаренных ей студентами на экзаменах. Посмотрела на чашки – одинаковых оказалось только две.

– Я же никогда не жду никаких гостей. Две чашки – это «оптималка»: для себя да для «любезного» дружка.

Она собрала все стаканы, кружки, достала ложечки, сахарницу и вишнёвое варенье – подарок родителей. Приготовив бутерброды, она лёгкой птичкой выпорхнула на площадку. Здесь уже собралась и перебрасывалась шутками вся спасательная команда. Одежда на ребятах была перепачкана, все были возбуждены и веселы.

– Жива! – сказала ей командирша (так про себя она обозначила женщину спасателя). – Мокрая вся, перепачканная. Она на сносях – беременная. Тяжело ей, поэтому и не могла выбраться в окно. Кстати, его перекрыли?

– Да, – ответил долговязый юноша в серой спортивной шапочке. Его прямой с горбинкой нос и пробивающийся пушок бороды и усов ей кого-то напомнил. Уж не тот ли это студент, которому она утром поставила «справедливую» оценку? Уж очень похож.

– Спасибо вам! Может, зайдёте на чашечку чая?

– Благодарю, но всем домой пора. Праздник же для каждого православного! Валентина подошла вплотную. – Пусть собака здесь полежит, мы ей постелили. Оправится от шока, обсохнет. Такой ей на улицу нельзя. Мороз, сами знаете.

– Да-да. Ещё раз спасибо!

– Я бы взяла с собой, но у меня уже семь таких приبلудных (улыбнулась). Все дома. Ждут хозяйку (помолчала). А может, вы её себе возьмёте?

– Какая мне собака с моей бездомной работой? Нет-нет...

Команда попрощалась, молодёжь стала выходить на улицу и неожиданно долговязый юноша, который шёл последним, оглянулся и сказал:

– До свидания, Надежда Валентиновна! – улыбнулся, и закрыл дверь.

Надежда приблизилась к измазанной в грязи горемыке. Та даже не шелохнулась. Она лежала на прогнившей подстилке, глядела в сторону закрытой подвальной двери и тяжело дышала. Судорожно поднимался и опускался ободранный бок большого живота.

– Чем я могу тебе помочь, а?..

Спасённая проигнорировала вопрос. Надежда вернулась в квартиру. Она собрала шесть посуды для чая и расставила их на журнальном столе в гостиной. Поставила посреди хоровода чашек свечу и зажгла её. Домашний зимний сад: роза, лавр, денежное дерево и шеффлера сразу же отбросили на потолке дрожащие волшебные тени. Надежда полностью распахнула шторы окна.

Красота! Замёрзшие, все в ледяных узорах, стёкла окна напоминали сказочные зимние горы. А далее и выше в проталинах простиралось звёздное небо, на которое так редко смотрит городской житель. Золотые и серебряные россыпи переливались огнями, и душа наполнялась покоем и умиротворением. Всё-таки хорошо. Хорошо на белом свете жить.

И диссертация, и рукописи о *догменах* – всё отошло на задний план, стало маленьким и ненужным. В груди росло какое-то непонятное ноющее чувство, тёплое и счастливое. Голову наполнял неясный лёгкий перезвон – то ли сосульки, то ли звёзды переговаривались друг с другом. Это был праздник. Вернулись из глубины какие-то сладкие воспоминания детства и юности, обрывки и отрывки радостных событий и переживаний – всё это вязалось на светлую прочную нить надежды.

«До свиданья, Надежда Валентиновна!» – звучало в её ушах; они горели, а на губах не могла успокоиться улыбка...

Когда свеча догорела, Надежда, боясь стряхнуть сладкое чувство, всё-таки ещё раз вышла на лестничную площадку.

Собаки уже не было. Кто-то «сердобольный» выпустил её на мороз.

Около грязной подстилки лежали нетронутыми кружок колбасы и кусок батона.

РОМАН БЕККУЛОВ

ЭКСПЛУАТАЦИЯ

Я приехал по приглашению своего знакомого в уездный город N. отыграть пару концертов. Несмотря на глубокую ночь и дождливую погоду, знакомый встретил меня на вокзале, накормил королевским ужином у себя дома, после чего доставил в гостиницу с незатейливым названием того же города. Лифт тот, что слева, ходил по чётным этажам. Тот, что справа – по нечётным. Мне нужен был четвёртый этаж. Я вызвал тот, что слева. В кабину вместе со мной прошмыгнула (именно как-то прошмыгнула) прилично одетая девушка в стильных очках с диоптриями. Она улыбнулась и протянула мне визитку. На карточке была надпись «Досуг», номер телефона и хитрый кролик, выглядывающий из шляпы.

Вдруг пригодится... – пояснила она.

Я прекрасно понял какой «досуг» имеется ввиду, но из вежливости карточку принял. Похоже, что шустрые дельцы раздавали их всем заселяющимся вне зависимости от времени суток...

Приятель мой заехал за мной утром, и мы отправились на завтрак в какой-то ресторан, где нас уже ждали ещё два приглашённых артиста. Мы были знакомы. Я обрадовался встрече. Поселили их в той же гостинице. Вечером мы должны были сыграть несколько песен на юбилее местной газеты с тем же названием, что гостиница, ресторан, магазины и сам город.

– Спонсоры попросили, – сказал организатор.

К моему удивлению, юбилей был более чем пафосным. Из столицы приехали если не первые, то вторые и третьи лица государства того времени. Бесконечные перемены горячих блюд

и специально выпущенная партия водки в украшенных бордовым бархатом бутылках с названием газеты, гостиницы и прочего, включая город. С банкета мы возвращались с полными карманами денег, свёрнутыми в рулоны (аванс!), инструментами и пакетами с едой, и той самой эксклюзивной водкой. Выдохнули и сели в двухместном номере моих друзей артистов. Без галстуков. Я спел несколько новых своих песен, они свои. Каждая песня обсуждалась и сопровождалась добрым глотком эксклюзивной водки. Ничто не предвещало беды. Вдруг один из них резко встал и по-гусарски крикнул:

– А не позвать ли нам девок?!

– Сдались они тебе? Ещё цыган с медведями позови!

– Ну, как знаете! – подмигнул артист и исчез в коридорах гостиницы.

Вот трезвый – человек человеком. А как выпьет – дурак дураком. Девок ему подавай...

На чём мы остановились?

Ах, да. Не успели мы спеть ещё по одной песне, как дверь распахнулась и на пороге возникла стройная барышня-брюнетка. За ней, улыбаясь, стоял наш приятель:

– Смотри какова! Знакомься! Знаменитые артисты! Талантищи! Кстати, мои дорогие гении, не освободите ли на время номер?

Мы взяли водку, гитары и пошли в моё временное одноместное жилище. Время было глубоко за полночь. На следующий день играть большой концерт... Мы ещё поговорили о Бродском, Гумилёве, Анненском. Вспомнили Довлатова. Поспорили, сравнивая его с Чарльзом Буковски... Покурили в холле под пальмами и решились постучать в номер, взывая к совести и профессиональному долгу товарища... Из номера выпорхнула брюнетка, закутанная в одну простынь и с криком «Бешеный какой-то!» скрылась в полумраке коридоров.

– Простите друзья мои! Люблю я это дело... – развёл руками коллега по цеху. Мы укоризненно покивали головами.

– Давайте спать. Завтра... точнее, уже сегодня концерт...

Я с удовольствием вытянулся в своей берлоге и уже засыпал, когда раздался аккуратный стук в дверь. Молодой портье, переминаясь с ноги на ногу и пряча глаза, произнёс: Вас просят подняться на седьмой этаж.

– Кто?

– Серьёзные люди. Вы не бойтесь. Только гитару захватите. Я провожу...

Я оделся, взял гитару и поплёлся за портье. Сказать, что это был кабак – ничего не сказать. Это была та самая «яма», хотя и на седьмом этаже, неоднократно описанная в литературе. За длинным дощатым столом сидела компания уголовников. Вместе с ними сидела та самая брюнетка. Уже в чёрной мини-юбке и красной кофте с декольте.

– Присаживайся. Бухнёшь?

– У меня завтра концерт.

– Нет, ты не понял! У тебя сейчас концерт! А про завтра пока не думай. Сыграй нам что-нибудь.

Я спел пару песен...

– Да ему же нет замены! – крикнул кто-то из шестёрок.

– Ша! – оборвал его «бугор». И вдруг крепко обнял меня за шею. – Братишку моего мне напоминаешь. Младшего. Такой же дурень. Мурлычет что-то на гитаре. А зачем?.. Этого не трогать, поняли? Ладно, иди...

Я встал и направился к выходу. Меня догнала брюнетка. В руках у неё был стакан водки и апельсиновый сок.

– Вот. Только вы не подумайте. Это я на свои деньги купила. Мне очень понравились ваши песни...

Я опустил на лавку у выхода, взял из её рук стакан с водкой...

– Ты чего, лярва? Иди работай, стахановка! – её обступили уголовники. – Я сейчас... – произнесла она и тут же получила жёсткий удар ногой под зад.

– Так нельзя! – дрожа крикнул я.

– А ты заткнись и не лезь, пока при памяти...

Удары посыпались на девичий зад со всех сторон. Она побежала. Кто-то свистнул ей вслед... Я вошёл в свой номер и рухнул одетый на кровать, не закрывая дверь...

Проснулся я с рассветом в той же одежде, в которой рухнул накануне. А рядом лежала совершенно обнажённая брюнетка. Зад её был чёрным от кровоподтёков. Я тихонько встал и прошёл к шкафу, где висело моё пальто с полными карманами денег. Все рулоны были на месте.

– Вы извините. Мне негде было спать, а у вас было открыто... Не бойтесь! Я ничего у вас не украла... Мне на вокзал надо...

Мне стало стыдно. – Уезжаешь?

– Нет. Мужа встречаю. Он с цирком на гастроли уехал. Сегодня возвращается...

– Муж?

– Ну да. Только он с гастролей почти совсем денег не привозит. А семью кормить надо. У нас двое детей. Мальчик и девочка. Вот и подрабатываю...

– А-а... А как же синяки?..

– Скажу, что торопилась, с лестницы упала. Он у меня с чувством юмора – посмеётся... До свидания! Спасибо вам!

– Да за что же?

– За то, что вступились. За песни. За приют...

Вечерний концерт мы отыграли вдвоём с приятелем. Говорят, неплохо. Зал был полон. Количество денежных рулонов в карманах увеличилось. Третий наш (любитель женщин) так и не смог подняться. Очнулся он, когда мы усталые вернулись в гостиницу.

– Вы почему меня не разбудили?

– Мы пытались. Ладно. Забей. Вот твоя часть гонорара...

– Как неудобно получилось...

Ночью поезд уносил меня из серого города N., с такими же серыми домами, гостиницей, газетой, ресторанами и людьми. Я

курил в тамбуре, прижавшись лбом к холодному стеклу, размышляя
о нелёгкой жизни цирковых семей...

ЮНЫЙ КРАЙ

начитался вселенских идиллий,
и решив, мол, удел мой таков,
он улёгся в объятия Итиля...

Нежно Край обнимает река.
Рукавами Край приворожила.
И проходят над Краем века.
И лежат где-то в нём старожилы...

В старика превращался малыш,
приходя из широт беспредельных.
Но всё так же прибрежный камыш
шепчет древнюю из колыбельных...

Бог в заботах о бездне миров
не забыл и про Край этот спящий —
подарил ему розу ветров,
чтобы сны были ярче и слаще...

Как над чадом отец — делово
и заботливо, знающий, вящий,
то Он морем укроет его,
то оставит под солнцем палящим...

Бог подправит слегка материк,
вспомнит Край, подмигнёт, улыбнётся...
И мне кажется мудрый старик
ожидает, когда он проснётся...

Я И ТЫ

Если есть Я — есть и Ты.
Такой вот убогий тандем.
А без меня есть цветы
и множество разных тем...

Толпы согласных на всё —
на зелень и солнца свет.
Существовал же Басё!
Хотя, его, в сущности, нет...

Управляй, если хочешь!
Крути же мои педали!
Прошепчи, между прочим,
в какие несёмся мы дали...

Когда я уйду путём,
философствуя о судьбе
и думая, что растём —
всё равно я вернусь к тебе...

ЯНА КРИЧЕВСКАЯ

ВЕЧЕРНЯЯ ЛИРИКА

И дольше, и уже по капле,
Пока себя не разобрать –
В пальто, перчатках, зимней шапке,
С тоскою в толстую тетрадь...

Еще махать рукой трамваям,
Упорным, сонным старикам.
Кто в зеркалах – едва ли знаю,
И верить ли иным глазам?

И Дух уже рН-нейтрален
К налившим бедам и страстям.
Он, как Сальери, неприкаян,
Играя Моцарта гостям.

В суме нехитрые пожитки,
От совести до бубенцов...
Вагоны красные по нитке
Тащат воров и мудрецов.

Предел ли истовый начертан,
Иль морось снежная томит,
А может, это свет вечерний
Под сердцем тайно ворожит...

ВЕРА В ТЕБЯ

Я молился устало и горько,

Позабыв все каноны молитв;
Повторял твое имя, и только.
Бог, я знаю, добрейший старик...

В этом заснеженном мире
Под слепой желтизной фонаря,
Как залпом вино из потира
Пил всеядную веру в тебя...

Блуждать в разорении комнат,
И эху смеяться в ответ...
– Твоими объятиями проклят,
И ими же выведен в Свет...

Изгнанный призрак сердечный,
Шорох сгоревшей листвы.
Набрось меня шалью на плечи
И выйди стоять у воды...

АНГЕЛЬСКАЯ ПРЯДЬ

А я вылетела в окно
В голубином своем наряде,
И мне ангел протер лицо
Своей золотистой прядью.

Лунный твердел нагар
На ресницах еловых веток.
Я летела, и в божий дар
Верила, как в примету.

Клевером пах чернозем,
Ветер играл калиткой.
Бродяга с большим зонтом
Тянул за собой пожитки.

Он в Литейных пропал дворах,
Где в колодезной чертовщине
Только маятник на часах
Его детское помнил имя.

Я вылетела в окно,
На землю почти не глядя.
И стало мое перо
Ангельской желтой прядью.

ЛИРИЧЕСКОЕ

Тонко скользящее время
Греет руки над сальной свечой.
И черты от заката тускнеют,
Когда ночь отпускает плечо...

Город наглухо заколочен
Саваном фонарей –
Неизвестный герой-одиночка,
Исхлестанный славой своей.

Будто вынут из хладной купели,
Оцарапано горло звездой.
Я гуляю. И только метели
Как дворняги кочуют со мной.

По Дворцовой, промокшей и тихой –
Акварелью рисующей сны,
Мы гуляли, и пах ежевикой
Шелест ветра, летевший с Невы.

Мы старались унять разговором
Нетерпенье доверчивых губ.

В вышине, над небесным притвором
Слышен гул тонко-ангельских труб...

Этот сон, в желто-палевой дымке,
Надсмехался над явью дневной,
Где я гибну от вашей улыбки,
Как дворняга во мгле городской.

НАДЕЖДА

И будет ночь святя, безгрешна,
В едином выдохе свечном.
Я ем последний хлеб надежды
И запиваю молоком.

А память — злобная ведунья,
Хлопочет у сердечных вен.
Я вечный узник полнолуния,
Кому печаль свою повьем?

Стою под ливнем колокольным —
Ребенок гнева бытия.
Я тайным счастьем переполнен —
Ночь даст мне сон. И в нем тебя...

В ОТДАЛЕНЬИ

Моя тень над твоим очагом —
Бесполезное, краткое чудо.
За темным озябшим стеклом
Мы давно незнакомы друг с другом.

Под метелью дрожат витражи
Тонких сердечных настроек.
Ни высокой любви, ни вражды,
Ни разлук холодящего зноя.

Паутинная чуткость судьбы,
На запястье браслеты тугие.
Это я «плюс» зима – «минус» ты
В отдаленьи живем как родные...

ПОСЛУШАЙ

Ты не жалел моей любви,
Так птицу в клетке не жалеют.
Ей вдоволь корма и воды,
В окошке – краешек аллеи...

Обрывок желтого письма
В коробке старых безделушек.
И там заметное едва –
Моление или вздох «Послушай».

Прибрежное давно не важно,
Порыв распахнутой двери.
И дух совсем уже бесстрашно
Ночное шепчет «Уходи».

Баюкает дремотный шорох –
Шагов твоих фантомный след.
Душа выходит из потемок
И жмурится на яркий свет.

АНДРЕЙ СКРЫЛЬ

ОБМАН

Простуженных окаменелостей слова, –
Серьезные дела-мотивы.
Я знаю, ты мне утром солгала,
Скрывая за преградой нелюбви своей
Вчерашней нежности приливы...

ЛИРИЧЕСКОЕ

Дули ветра, море шумело.
Океаны плескались, лаская
Дикую сушь. А в небе ночном
Звезды горели
Взглядом блаженных душ...

В НОЧИ

Голосит мое радио свыше,
Словно Богом даны слова.
За окном звуки ветра все тише,
Природной стихии молва...
Ночь укроет в снегах одеялом
Лик моей безмятежной судьбы,
Баюкая дом наш усталый
Звонким эхом гудящей трубы...

МОТЫЛЁК

Скажи, Творец, вершитель судеб,
Зачем ты столько одиноков?
И например, что дальше будет?

Скажи-ка мне, каков наш срок?
И тишина в ответ...
И лишь в ночи, на улице,
У лампочки мерцающей,
Порхает одинокий мотылек.

НЕПОДЪЕМЕН

Кухня, стол, графин, гранат.
Два стакана и шпинат.
Под столом уснул котейка.
Слышен щебет канарейки.
На стене помехи станций –
Голос громких рекламаций.
За окном опять дождливо.
Танец бури нешутливый.
Тумба, пуф и шкаф советский.
Мой эпитет – Городецкий.
Лампа с книгой в непогоду
Мне дают ума свободу.
Маркс и Ницше – мысли выше.
Но неподъемен капитал,
Где начало всех начал –
Утро, похмелок, аврал...

ПРИЗНАНИЕ

Нежно укроет тебя бахромой
Цвета сандаловых красок,
Расцветшею теплой весной
Безликая ночь.
И я буду рядом с тобой...
Без тени сомнений и масок.

«Ветер уносит своим дыханием всё, кроме воспоминаний...»

СНЕЖАНА ВАХТОМИНА

ЛЮБОВЬ НАШЕЙ МАМЫ

Любовь, нашей мамы

Такая большая.

Не видно, не слышно

За ней океана.

Не видно дельфина,

Русалку, моржа.

Не видно, акулу,

Морского ежа.

Любовь нашей мамы,

Как нежная роза.

Обнимет и сразу

Исчезнет заноза.

Умеет утешить,

Умеет понять,

Любовь нашей мамы

Совсем не объять...

НЕ ТЕРЯЙТЕ ДОБРОТУ!

Доброты все меньше стало.

Не могу найти ответ,

Может злость ее украла?

Ей не видно белый свет?

Заперла в чулане темном

И не хочет отпускать.

Бьется, просится на волю.

Кто поможет отыскать?

Соберем, найдем команду,
Запасемся фонарем.
Сквозь моря, чужие страны
Доброту свою найдем!

С ней и люди перестанут
Задираться, воевать.
Настоящими друзьями
Наконец-то смогут стать!

Станет в мире больше света
От простых и теплых слов.
Нет достойней человека,
Что дарить добро готов!

МОЯ БАБУШКА

Какое сердце доброе,
У бабушки моей!
Вот только стала
бабушка старее
И больней!

Ее глаза наполнены
Усталостью, тоской.
Хочу забрать я бабушку
Скорей к себе домой!

Живет она в избушечке
И редко видит нас.
Родители работают,
Им некогда сейчас!

Я голос ее слышу,
А виделись давно,
Звонит и пишет письма.
Без нас ей тяжело!

Она и не признает,
Что с каждым днем слабей.
Иссякли ее силы,
В больницу надо ей!

Кричу я маме с папой:
«Поехали, скорей
На помощь, на спасение
К бабулечке моей»!

Приехали мы к бабушке,
Обрадовалась нам.
Собрали ее вещи —
Теперь поедешь к нам!

Глаза у нашей бабушки
Вмиг стали веселей,
Ведь лучшее лекарство —
Любовь ее детей!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Лежит цветочек аленький
В пеленочке сопит.
Еще пока он маленький,
Совсем не говорит.
А рядом его мамочка
Тихонечко поет.
Ты спи, сыночек, Ванечка;
Вот ночка к нам идет.

На небе звезды яркие
Умеют тоже спать.
И солнышко прекрасное
Уже легло в кровать.

Собачка съела косточку,
Зевает и скулит.
На улице ночь темная,
Ей мама спать велит.

Котенок прыгал с бантиком,
Устал за целый день.
В клубок свернулся маленький,
Ведь ночью бегать лень.

И зайчики, и белочки,
И даже серый волк,
Деревья все и веточки —
Все спят без задних ног.
Я буду с тобой рядышком
Всю ноченьку стоять,
Спи, мой цветочек аленький,
Должны все ночью спать!

ВЛАДИМИР НЕПОМНЯЩИЙ

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Бессонные ночи,
И глаз не сомкнуть.
Уставшие очи, —
Бессмысленный путь.

Несут меня ноги
Тропой в никуда
Бреду по дороге
Один, как всегда.

И больше нет света
На этом пути.
Застыла планета —
Уже не спасти

Ни душу, ни время
Ушедшее прочь.
Как тяжкое бремя —
Бессонная ночь.

ДЕРЖИСЬ

Когда живешь, во тьме блуждая,
Когда давно не виден свет,
И все живое исчезает,
И воли к жизни больше нет...

– Держись за каждое мгновение
Малейшей в жизни красоты,
Оставь печали и сомненья,
Не убивай свои мечты...

И может быть, настанет время —
Во мгле увидишь яркий свет,
Отступит тягостное бремя,
Наступит солнечный рассвет.

В окне увидится зарница,
И зацветут в садах цветы,
А на ветвях засядут птицы,
Чтоб пенье их послушал ты...

ВЛАДИМИР СТРЕЛКОВ

ШЁПОТ СЕРДЦА

Моргала светом, отражалась в лужах.
Не торопясь присела и уснула на пороге.
Она ждала того, кто, может быть, ей нужен.

Кто, может быть, вернется на рассвете.
Чье имя в памяти пронзительно и звонко.
С кем так же сказочно, как в книжном переплете.
А песнь в душе звучит волнующе и громко.

Звучит мелодией на струнах скрипки.
В руках не мастера, но знающего толк.
Как не бояться совершать ошибки.
Так, чтобы шепот сердца не умолк.

Чтобы светили звезды и луна
В неограненном камне чудном.
Скрывается от взора целая страна —
Страна любви чудесной, изумрудной...

ОЛЕГ ГОРШКОВ

НЕТ ЛЮБВИ

Нет любви, одна скупая жалость
В твоих речах, в твоих глазах.
Но не хочу, чтоб отражалась
Немая скорбь в твоих слезах.

Пройдет зима, тебя поманит
Весны дурманящей тепло.
И образ твой меня оставит,
Умчавшись весело, легко.

Я не грущу о том, что будет,
Я не жалею ни о чем.
Мой лед из сердца не остудит.
Я все стерпел. Мне нипочем!

ВОТ И ВСЁ

Ну вот и все. Красивою строкою,
Не пробудив твоей души струны
Освобожденно я глаза закрою.
И не нарушу светлой тишины.

И ты вздохни освобожденно!
Измучил всех вокруг себя,
Я так хотел непринужденно,
Тебя пленить, себя пьяня.

Пусть мне простят или забудут
Моих ошибок суету.
Я не столкну своею грудью
С земли могильную плиту.

Я так устал, собой истерзан!
Не стану раны ворошить.
Мне самому с собою тесно,
Пора, пора мне уходить...

ТВОЯ УЛЫБКА

Твою милую улыбку,
Гладь у низких скал пруда
И глупую свою ошибку —
Я не забуду никогда.
Я один сижу, скучаю.
Мне нужны твои глаза,
Чтоб в них светом отражалась
Гладь у низких скал пруда...

АДЕЛИЯ ДАВЛЯТШИНА

ЕСЛИ...

Если
Тело – тюрьма для нищих,
То богатых не бродит здесь.
Каждый ищет олимп повыше,
Чтоб не смочь на него
Залезть.

Всякий
Может на бег решиться,
Но не каждый захлопнет дверь.
Если счастье – большая птица,
То легко попаданье
В цель.

Копья
Любят нагое тело,
А слова – беззащитный ум.
Если женщина не хотела,
То ты должен нести
Вину.

У ВАС ТАМ ХОЛОДНО?

У вас там холодно?
У нас –
Старик с прозрачными глазами
Цветы баюкает над нами,
Неслышно шевеля губами,

Как будто молится
За нас.

У нас деревьев Сотни тыщ,
Двенадцать лун и десять снов.
Семнадцать миллионов слов,
Не вырвавшихся изо ртов.
И боль клубится из-под
Крыш.

У нас есть деньги
И Москва,
У нас Казань, Уфа и Йошка.
Нас дома ждет худая кошка,
От стула сломанная ножка
И сто конвертов
За счета.

У нас есть Волга.
Кстати, та,
Неся в седых ладонях блики,
Таит бесспорные улики,
Что дно, съедающее крики,
Не остановится
Съедать.

У нас морозно здесь.
И мы
Привыкли греть чужие руки,
Внезапно вскакивать на звуки.
Не знать, что существуют муки,
Как будто те
Исключены.

У нас есть нежность
И вино.
Мы любим тех, кто не достоин.
Мы все — один упрямый воин:
На собственном воюем поле
За то, что нас убьет
Само.

И мы так рады, что есть
Тот,
Кто в нашем небе сеет звезды.
Кто молится за нас, кто в просьбе.
Кто днем на облачном погосте
Златой баюкает
Цветок.

ПЧЁЛКА

Этой пчелке
Не место в улье,
У нее не выходит мед.
У той пчелки
Повадки дурьи.
У той пчелки не тот
Полет.

Ее крылья
Малы немного,
И узор на тех крыльях плох.
От той пчелки
Не больше прока,
Чем от жалких и вредных
Блох.

Эта пчелка
Желает стать
Серебристой и волновой.
Она жаждет
В воде плескаться,
Рыбой сделавшись
Небольшой.

Тогда стала бы
Эта пчелка
Плавниками ласкать волну.
Тогда слышала б
Эта пчелка
Не жужжанье,
А тишину.

Обнимала бы
Эта пчелка
Сверху режущий воду луч.
Наблюдала бы
Эта пчелка
Потолок из сапфирных
Туч.

А пока ей
В пчелиной шкуре
Нужно делать невкусный мед.
Этой пчелке
Не место в улье.
У той пчелки не тот
Полет.

В МЕТРО

Вагоны

Скользят по горячему льду,
Нырять в тоннели ночного метро.
Все люди одеты в прямые пальто,
В подкладках которых хранят
Пустоту.

Мой разум
Захвачен картиной из клякс,
И съеден подземным обугленным ртом.
Я спрячусь в вагоне, в таком же пустом,
Как стихнувший блеск проносящихся
Глаз.

И в нем
Я узнаю людей из толпы —
Любимых, чьи лица запали мне в душу.
Кого не сберег и кого я не слушал,
Кому я не дал миновать
Пустоты.

Железная
Морда худого крота
Вскопает метро, как могильную яму,
Как не зажившую старую рану,
Скривив уголок отходящего
Рта.

Промчит,
Без возможности даже дышать.
Раздавит, расплющит рубин между ребер.
Конечная будет, бесспорно, до гроба,
Но мне до нее не сберечь
Багажа.

Вагон,
Фаршированный массой людей,
Промчится по рельсам, как будто по сердцу.
Я вынусь, в напрасных попытках согреться,
Накинув пальто на останки
Костей.

ОЛЕГ ТАЛАНОВ

ПРИВЫЧКА

Имею я к труду привычку,
И с ней в пылу работы сам
Я электрод зажгу, как спичку,
И прикурить любому дам.

И может, удивлю кого-то,
С кем ныне шапочно знаком,
Что не курю я, но работа
Ведется мною с огоньком!

И пусть потухнет сигарета,
Но электрод зажжется мой,
Объемля небо ярким светом
Моей привычки огневой.

КАПЕЛИ

От огневой дуги запели
В туманно-вьюжном феврале
Металла звонкие капли,
Снега пятная на земле.

Струился пар от пятен жаркий,
И, как по пашне черный грач,
По шлаку, теплomu от сварки,
Метался молоток — «секач».

И перестук металла гулкий
Ловила цеха высота,
И с крыши падали сосульки
На гладь железного листа.

ОТТЕПЕЛЬ

Капели. Оттепель. Февраль.
Снега с дождями на неделе.
А мне тех дней морозных жаль,
Что вдаль за вьюгой улетели...

Туманом все заволокло,
На Волге путь укрыт на мили.
А я все помню то тепло,
Что в стуже мы с тобой хранили.

И чувствую по сердцу дрожь,
Как будто сам пронизан током,
Когда навстречу ты плывешь,
Влекомая людским потоком.

Спешишь, походкою маня
Любого встречного, чтоб снова
Пленить, как в юности, меня,
Моя желанная, зазноба.

Дымится талая земля,
Хотя она в снегу пока лишь.
И ты к исходу февраля
От нежных слов моих оттаешь.

БУТОН

Округа спит, да мне лишь не до сна:
Ловлю цветенья запахи у дома,

А надо мной висит большим бутоном,
Окутанная облаком луна.

Небесный распускается бутон,
И благодать в душе моей такая,
Что мнится мне: в ночи благоухая,
Все запахи земле дарует он.

АННА ЗЕМСКОВА-РЯБАЯ

ЛЮБИМЫМ

Лишь я беру свое стило –
Душе становится светло,
И прочь бежит из мрака страх,
Когда оно в моих руках.

Как будто яркий фейерверк,
Взлетают мысли-искры вверх,
И на страницу там и тут
Слетая, строчками бегут...

Всю ночь горит мое стило,
Чтоб поскорее рассвело,
Чтоб отразился светлый стих
В глазах любимых, дорогих.

МОЕМУ BONHEUR

И радость та камин мой греет,
И вопрошают небеса:
«Когда уже рассвет зардеет?»
И упадут вниз колоса.

Хочу я нежно губ коснуться,
И посмотреть в твои глаза.
Обнять тебя и вмиг проснуться,
И не нажать на тормоза.

Твои объятия словно море,
Ласкают нежно, горячо.
Конечно, потону я вскоре,
Уткнувшись в теплое плечо.

Тебе стихи я посвящаю
И отвечаю как всегда:
«Люблю, ценю и обещаю
Не предавать нас никогда».

СЕРДЦА СВЕТ

Подарю тебе я небо,
Хоть кусок, но подарю.
От дождя теперь все слепо
Свет очей твоих я жду.

Подарю тебе я воду,
Гладь воды, сиянье волн.
Ведь в любую непогоду
Свет любви всегда силен.

ИЛЬЯ СМАКОВИЧ

Смакович Илья – молодой российский поэт из города Клайпеда (Литва), трагически ушедший из жизни в 2020 году. Он с успехом учился в престижном Ирландском «Тринити колледже» («Trinity College Dublin»), воспитанниками которого были такие известные личности, как Роберт Бёрнс и Исаак Ньютон; увлекался игрой на шестиструнной гитаре и сочинительством стихов. Написал две книги. У Ильи была отличная реакция, которую он неоднократно демонстрировал на соревнованиях и турнирах по компьютерному спорту, выступая в составе «Профессиональной лиги игроков RtCW 1.0 в России».

Пусть частичка его души останется с нами. Помним, любим, скорбим...

О ПОЭТАХ

Ведь празднуют поэты дни рождения,
В порыве пишут мириады строк.
И лишь неукоснительно сомнение
О том, что идеальный мир далек.

Пусть годы хлещут заводью ненастной,
Поэту время точно талый снег –
Покинув свою гавань не напрасно,
Напомнит, что людской уж краток век.

И уж неправо время, и много кто не свят –
Пусть наша жизнь попутно тлеет,
Но рукописи вовсе не горят.
Ну, а душа поэта вовсе не стареет.

Я БУДУ

Я буду тем, кем быть любой уж не посмеет,
Чьи светочи души мертвы.
Я буду там, где кто-то лишь лелеет
В бесплотных далях все его дары.

Один лишь миг – минута страсти и мечтаний
Не сможет вечность осветить собой,
Покуда мы храним свои желанья
В бесплотных далях, где нашли покой.

БРЕДЁМ

Шумят снующие вагоны,
Сквозь ветер, дым и холода.
Зовут пустынные перроны,
Зовут неведомо куда.

И лишь в сыром обличье небо
Обмоет кротким ливнем слез
Просторы, в коих сам я не был –
Просторы затаенных грез.

Вокруг да около слоняясь,
По полуночной мостовой,
Возревший месяц, извиваясь,
Летит проторенной тропой.

Он не видал судьбы кручинной,
И не встречал он много бед.
Так почему он благочинно
Летит как прежде солнцу вслед?

Как будто предался пороку
Или зачах он от невзгод,
Лишенный всех своих истоков
С остатком жизни талых вод.

И мы с тобой как месяц хладный
Влачимся не своим путем
Бесперебойно, беспроглядно,
Куда глаза глядят бредем.

Я ВАС БЛАГОДАРЮ!

Я вас благодарю за вашу доброту!
Пусть свет любви вас вечно озаряет.
Как озаряет Солнце горную тропу,
Ведущую во неизведанные дали...

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

ВИКТОРИЯ ПАВЛОВА

СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ «ФОКАЛ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

Пример №1

– Доброе утро, – пробормотал Ваня и протиснулся в класс. Он опять проспал урок, и взгляд Зои Александровны пригвоздил его к полу.

– Проходи, Петров, – Зоя Александровна поджала губы.

Парень быстренько прикрыл дверь и шмыгнул на своё место, игнорируя смешки одноклассников.

Пример №2

Света шла по улице, ела мороженое и разглядывала витрины магазинов. Мороженое было вкусное, а витрины – разноцветные и очень интересные. В одной Света увидела красивую куклу ручной работы. Света замечталась: хорошо бы мама её купила, такой ни у кого не будет. В это время куклу пробивали на кассе. Кассир сделал скидку на экземпляр с витрины, хотя на складе таких кукол было ещё много.

Если вы не заметили здесь ошибки, давайте проведём простой тест. Первое – оба примера написаны от лица персонажей без использования всевидящего ока. Если всё стало понятно, и вы обнаружили ошибку; поздравляю, вам эта статья не сильно поможет, но и прочесть будет полезно. Для остальных вопрос: что такое «фокал»? Если вы решили, что автор обзывается или сделал опечатку, подразумевая слово «вокал», смело читайте дальше. Эти знания помогут вам писать красиво и интересно.

Итак, поговорим о фокале, возникновении понятия и современной интерпретации.

Под словом «фокал» понимается главный персонаж художественного произведения, «голос» которого мы слышим, пока читаем роман или рассказ; тот персонаж, чьими глазами смотрим на мир книги, чьим чувствам сопереживаем. Читая произведения начинающих авторов, натыкаешься на предложения и целые абзацы, где этот «голос» «даёт петуха» и нещадно терзает чуткое ухо читателя. Тому остается только догадываться – кто кому что сказал, кто из героев что думает и чувствует, и вообще, что здесь творится?!

До сих пор возникает масса споров: что «это» и как с «этим» жить? Некоторые с пеной у рта доказывают: нет никакого фокала, а всё это инсинуации западной литературы. Отмечу, что в англоязычной литературе фокал – это тот, кого в сцене обсуждают, то есть, если две бабульки обсуждают соседскую болонку, то фокал – болонка. Да и то, сейчас тоже всё меняется, и на Западе выходят теоретические книги, в которых фокалом зовется персонаж, чьими глазами мы видим историю. В России фокал живёт своей трудной и противоречивой жизнью уже давно, и, чтобы разобраться и приручить страшного зверя, я начинаю публиковать серию статей, посвященных фокалу.

На просторах рунета гуляет множество понятий и определений слова «фокал», а рядом мелькают страшные слова «фокальный персонаж», «точка зрения», «фокализатор» и «перспектива». Попробуем разобраться, что из этого нужно при создании качественного произведения.

Слово «фокал» возникло в писательском обиходе как сокращение от «фокальный персонаж», что, вполне вероятно, является ошибкой. Термин «фокальный персонаж» является калькой с англоязычного «focal character» и обозначает персонажа в фокусе, в центре внимания. Вот как та болонка выше.

Но сейчас под фокальным персонажем принято понимать персонажа, на котором сосредотачивается внимание и интерес читателя.

До сих пор не создано чёткой теоретической базы. Для проработки вопроса нам доступны только холивары в различных блогах и чьи-то частные мнения, которые чаще противоречат друг другу, а споры перерастают в настоящие драмы. Если говорить об иностранной литературе, то можно найти интересный материал у Джеймса Фрея, Ричарда Коэна и Рэйн Холл.

Начнём с теории

Точка зрения описывает позицию, с которой излагаются события. В точке зрения выражаются чувства и мнения разных персонажей. Например, повествующий в данный момент персонаж, используя выражения другого персонажа, смешивает свою точку зрения с чужой. То есть, кроме голоса самого персонажа «звучат» голоса других.

Важный момент: точка зрения — это совсем не то же самое, что «персонаж, через которого читатель воспринимает текст», наоборот: несколько точек зрения могут передаваться через речь или мысли одного персонажа. Точка зрения — это всего лишь чьё-то мнение, которое превалирует в том или ином кусочке текста. Если фокал — брутальный киллер, то, рассказывая о своей бабушке и её любви к вышиванию крестиком, он излагает её точку зрения. Эта точка зрения чаще всего субъективна и тот, о ком идет речь, может отсутствовать в кадре. И всё. Фокал (брутальный киллер) при этом не меняется.

Фокализация — это результат взаимодействия персонажа и происходящего. Фокализация часто сравнивается с камерой, поскольку она фиксирует только то, что «видно». Многое остается за кадром, но подразумевается, восстанавливается нами по намёкам, присутствующим в кадре.

Пример из кинематографа: знаменитая сцена из «Дракулы Брэма Стокера», когда Джонатан Харкер, юрист, склоняется над документом, а по стене ползёт тень руки Дракулы. Здесь фокализация связана с юристом, но внешние детали (тень) находятся вне рамок актуальной фокализации, то есть фокал (юрист) тень не видит.

Ещё пример с камерой: персонаж входит в комнату и осматривается, выходит в соседнюю, возвращается – и мы обнаруживаем, что за секунду его отсутствия со стола исчез стакан. Персонаж как не видел стакана (не замечал), так и не видит, но мы понимаем, что в комнате есть кто-то ещё. То есть, несмотря на то, что фокал связан с персонажем, внешний повествователь дал нам понять что-то большее, чем дано было видеть фокалу.

В тексте это можно показать фразами вроде «Если бы он был внимательнее, он бы заметил...», словно наблюдатель видит это со стороны. Фокализация – это то, как конкретный персонаж чувствует и переживает события, но в тексте могут возникать детали, выпадающие за рамки этих переживаний (фокализации). В русскоязычной литературе такой подход чаще является признаком написания по «всевидящему оку», то есть это текст от автора, который знает всё, и про то, куда делся стакан.

Важный момент: разница с точкой зрения состоит в том, что фокализация отражает то, что персонаж видит, в то время как точка зрения показывает, что он об этом думает. Позиция всеведущего автора («всевидящее око») называется нефокализированной (много точек зрения).

Однако тут нас подстерегает ещё одна путаница и она звучит так: в настоящий момент в русскоязычной литературе понятия «фокал» и «точка зрения» являются синонимами, и употребление того или иного слова зависит лишь от того, где впервые вы познакомились с этим понятием. Так сказать, разные теоретические школы.

Перспектива – это то, как реагирует на события персонаж. Персонаж видит не все, и оценивает только так, как это характерно для него, а не для автора текста, т.е. субъективно.

Важный момент: большинство так называемых «ошибок фокала», включая пресловутую ошибку «в моём взгляде читалось презрение», является ошибками перспективы, а не точки зрения или фокализации. Субъективно персонаж не может видеть свой взгляд со стороны, но может чувствовать, ощутить презрение. Однако такие ошибки в обиходе писателя принято называть именно ошибками «фокала» или «точки зрения» (помним о разных теоретических школах).

Понятие «фокализация» изучает нарратология (Narratology, International Society for the study of narrative), она же изучает точку зрения и перспективу. Термин «фокализация» в начале 1970-х годов предложил французский структуралист Жерар Женетт в качестве развития идей Ж. Пуйона и Ц. Тодорова для обозначения повествовательной перспективы и стал ключевым для нарратологии. Подробнее об этом можно почитать в книге «Поэтика композиции» Успенского.

Фокализация – это окружение, видимое персонажем; перспектива – отражение внутреннего мира персонажа.

Небольшой пример, всего две фразы:

«Она почувствовала, как у неё покраснели щёки»,

«Она увидела, как у неё покраснели щёки».

В первой фразе нет ошибки, поскольку фокализация персонажа не входит в противоречие с перспективой: у нее возникли ощущения, которые обычно сопровождаются покраснением кожи щёк. Во второй фразе – ошибка перспективы: она не могла это увидеть (при условии, что персонаж не смотрит в зеркало). Но вот практически та же фраза, в которой одно слово снимает ошибку перспективы:

«Она словно сама увидела, как у неё покраснели щеки».

Здесь нет нарушения перспективы (то есть героиня не видит сама себя со стороны), и нет нарушения фокализации, то есть фокал на месте.

Случай, если героиня смотрит на себя в зеркале и видит, что покраснела, должен оговариваться в тексте отдельно. В этом варианте фраза «Она увидела, как у неё покраснели щеки» уместна.

Закрепим теорию

Фокальный персонаж — это персонаж, на котором сосредотачивает внимание читатель, то есть персонаж в центре внимания.

Фокализация — восприятие окружения фокальным персонажем.

Перспектива — это то, как реагирует на события персонаж, то есть раскрытие его внутреннего мира.

Обращаю ваше внимание, что в русскоязычной литературе под фокалом понимается смесь фокализации и перспективы, эти слова в обиходе являются синонимами и чаще обозначают одно и то же.

Вернёмся к примерам в начале статьи. За первые три строчки из примера №1 мы узнали о том, что мальчик Ваня опоздал на урок, причём «снова», т.е. он делал это регулярно, что ему стыдно, и что смешки товарищей ему неприятны. По сути, мы прониклись эмоциями школьника Вани и стали им. Так что за ошибка в тексте? Можете ответить?

Сбой фокала вылезает на слове «парень». Субъективно сам Ваня никогда не подумает о себе «парень», как вы не думаете сами о себе «девушка», «родитель», «студент». Конечно, вы можете использовать эти слова, описывая себя, семью или социальное положение, но не подумаете так во время ежедневных рутинных мыслей. Конкретно в этом тексте вылезла ошибка перспективы, т.е. личного, субъективного.

Во втором примере «про Свету» вылезает другая ошибка — сбой фокализации (при условии, что текст написан от третьего лица). Почему? Да потому что фокальный персонаж Света никак не могла

знать, что кукол на складе ещё много. Да и скидку на кассе она вряд ли бы разглядела через витрину.

Используя фокализацию, важно следить за перспективой, т.е. тем, что видит и чувствует персонаж, а ещё – больше читать хорошей разнообразной литературы, анализировать, как преподносили фокал маститые авторы. Именно чтение формирует писательское умение и навыки.

ЛИТКАФЕ

ВАСИЛИЙ ЛЮБОШЕНКО

ПОСТМОДЕРН

Сегодня это слово стало практически нарицательным. Почти любую непонятную вещь называют «постмодернистской» без особенного понимания вопроса. Картина из пятен? – Постмодерн. Музыка из диссонансов? – Постмодерн. В книге нет главного героя, а повествование идёт от лица камня? Правильно, постмодерн! На этой почве возникает множество спекуляций и комичных определений: некоторые могли слышать, что постмодерн – это жанр, свойство композиции, метод иронии и что-либо ещё. И в этой статье я попытаюсь рассказать, что такое постмодерн в действительности, и как с ним следует обходиться.

Для лучшего понимания дальнейшего, стоит немного познакомиться с азами. Итак, культурные парадигмы – это совокупность мировоззрений, которые характерны для людей в определенном месте в определенное время. У этого термина нет единственного автора, как и единственного точного определения, и если вам кажется, что моё – не полное, или не раскрывающее суть, то рекомендую вам ознакомиться с трудами Фуко, Куна и Шпенглера.

Повторюсь, культурные парадигмы – это совокупность мировоззрений. И стоит заметить, что это одновременно и среда, которая влияет на простых смертных, и образ мысли тех самых простых смертных, которые влияют на среду. Можно сказать, что это поле для шахмат, которое способны менять фигуры, но только в той степени, в которой позволяет само поле.

Итак. Существуют три основные культурные парадигмы (если есть вопросы к моей типологизации, то отсылаю вас к тем же людям). Эти парадигмы различаются только во времени, и присутствуют в той или иной мере во всей истории существующих обществ. И эти парадигмы как нельзя лучше демонстрируют те процессы в обществе, которые мы изучаем.

Первая, и самая древняя парадигма – это парадигма преמודерна. Появилась она вместе с зарождением первых цивилизаций, и культуры как таковой. Это самый древний, и самый продолжительный этап эволюции культуры. И, я предполагаю, вы уже понимаете, какие у неё характерные черты.

Преמודерн – это, в первую очередь, бог или боги. Нечто сакральное и принципиально недостижимое человеком. Здесь боги – это хозяева мира. Именно они, и никто другой, управляют всем сущим, включая людей. И это вечное недостижимое становится величайшим защитником морали, такой же архаичной. Указаны только базовые постулаты – не убей, не укради, не прелюбодействуй, и не ешь так много. Все эти постулаты необходимы либо для поддержания базового общежития, либо для банального выживания субъекта.

Действительно, если ты будешь убивать всё, что движется – с тобой как минимум не поделятся едой. А как максимум – отомстят. Если ты будешь много кушать – то и остальным ничего не останется, и ты будешь не в лучшей форме. А за прелюбодеяние можно получить от конкурента, не говоря уже о болезнях. В общем, базовая этика – этика направленная исключительно на физическое выживание общества.

И вообще, всё до боли просто. Время циклично, так как для египтянина, очевидно, что за осенью следует зима, за зимой весна, за весной лето, а за летом полный круг. Это можно проследить и в мифотворчестве – Уроборос кушает свой хвост, Ра сражается с Апопом, а несчастный Гильгамеш раз за разом воскресает. Да ещё и Сизив камни на гору поднимает!

И если всё зациклено, то с павшими товарищами рано или поздно, так или иначе, встретишься. Колесо Сансары даёт оборот, а Аид приглашает всех страждущих в своё царство. Отсюда возникает бессмертие души, и первые потуги в направлении индивидуальности. Тем не менее, древние люди ещё не мыслят себя в отрыве от общества, вспомните историю того же Сократа. Индивиды в премодерне считались безумцами.

И постепенно это общество меняется. Возникают новые орудия труда, и теперь не обязательно следовать всем заповедям для выживания. Кушать можно много, если ты император Рима. И это приводит к первому серьёзному кризису в этике. И философы, такие как Цицерон, или Эпикур, пытаются найти новые этические модели, о которых мы ещё поговорим.

Дальше следует возникновение Христианства. Ницше называл это ресентиментом (и об этом тоже будет дальше). Христианство возникло одновременно и из-за этического кризиса, и из-за кризиса социального, и из-за кризиса духовного. Оказалось, что чудес то в мире становится с каждым днём все меньше и меньше, и то, что раньше вызывало первобытный страх, сейчас греет дома. И с этим связано одно из величайших изобретений Христианства — обособленный бог. Теперь он один и не живет вместе с людьми, а обитает где-то очень далеко. И мир расколдовывается, и начинает становиться познаваемым. А ещё время теперь линейно, ибо в конце истории всех грешников покарает бог.

И постепенно, через перипетии завоевательных войн и великих географических открытий приходит вторая культурная парадигма — Модерн.

И начинается он с Декарта, с первой половины 16 века. Это французский философ, который привнес огромный вклад в культуру своего времени, и первым высказал то, что летало в воздухе ещё до него. Этот человек создал рационализм, и постулировал стремление к знанию, как главную цель человека. Декарт ещё не отказывался от бога, но заметно уменьшил его роль

в материальном мире. Бога убьют намного позже, и по Ницше, это сделают люди.

В Модерн перековали изобретения христианства. Теперь время для всех линейно, и все стремятся к достижимой цели, путем полного познания мира. И есть вера в то, что, возможно и не при жизни одного человека, и не при жизни его детей, но когда-нибудь эта цель должна быть достигнута.

Но выбрать цель без бога сложно, и тут в дело вступают две оформившиеся этические повестки – гедонизм и стоицизм. Первая говорит нам, что то есть благо, что ведёт к счастью. Потом на её основе появляется утилитаризм и много всего интересного, но основной посыл не меняется – то этично, что приводит к большому счастью большего числа людей. И из этого учения возникает первая цель – построить утопию, где все будут счастливы.

Стоицизм же, напротив, учит смирению и отказу от всех земных наслаждений. Он превозносит мудреца. И то этично, что приближает человека к мудрости. То, что развивает человека. Идеал стоицизма – это непоколебимая воля и превозмогание. Из этого в будущем рождается волюнтаризм и, опять же, еще много всего интересного. И главная цель – стать идеальным человеком, а впоследствии и превзойти его.

И это две основные идеи модерна, которые конфликтуют по сей день. И в каждой этической дискуссии современного общества виден заочный спор этих парадигм. И на этой почве впервые вслух проговаривается идея о свободе, как некоторый компромисс между этими течениями. С одной стороны это Штирнер, с его единственным и стремлением построить анархическое общества. С другой стороны – Ницше, и его сверхчеловек.

Так же появляются три главные идеологии модерна. Либерализм, главная цель которого – это освободить субъекта от всех форм общественного угнетения. Коммунизм, который хочет построить лучшую утопию из всех возможных. И нацизм, который хочет превзойти человека, и создать нечто идеальное.

На фоне этих изменений на культурном поле наука непоколебимо движется вперёд, возникает идея эволюции, а физика творит чудеса. Всё большее количество людей отказывается от бога, и встаёт на рельсы рационализма. Если приводить аналогии, то премодерн похож на трамвай, который ходит по кольцевой, и возит бессильных пассажиров. А вот модерн – это разгоняющийся грузовой поезд, который мчится к светлому будущему.

А потом поезд сходит с рельс, и начинается новая культурная парадигма. Парадигма постмодерна.

Все начинается в первой половине двадцатого века. В первой мировой гибнут остатки премодерна: Какой бог мог допустить подобное? Во второй мировой на поле битвы сталкиваются три основные идеологии, и становится понятно, что утопия не особенно возможна. Человек модерна всегда жил с чётким осознанием того, что завтра будет лучше, чем вчера, и что технологический прогресс доведёт до цели. Но оказалось, что все научные достижения человечества были использованы для наиболее эффективного уничтожения живой силы противника. И завтра может быть в разы хуже.

Нацизм с треском проиграл эту войну. Коммунизм простоял дольше, но все равно пал во второй половине двадцатого века, так и не построив утопию. Все великие идеи выродились в концентрационные лагеря и конвейерное уничтожение. Новое оружие, с помощью которого можно было устроить апокалипсис, подтолкнуло к очередному скачку в культуре. Оказалось, что цели бессмысленны.

Человек премодерна точно знал, зачем он жил. Бог был его непоколебимым судьей. Человек модерна тоже знал, он стремился к идеалу. Жизни этих людей имели смысл. Но оказалось, что смысла не просто нет, а это всего лишь искусственная конструкция, которая бессмысленна сама по себе. И мир превратился из мастерской в обитель хаоса.

Время перестало быть линейным. Оно стало хаотичным, теперь в нём могли быть и прямые участки, и огромные кольца. Наука стала наткаться на очень странные вещи. Если в конце 19 века считалось, что большинство явлений уже изучено, то потом появились теория относительности и квантовая механика. И это только в самой фундаментальной науке, гуманитарии тогда вообще стояли на ушах.

И вот, мы с вами живем в эпоху победившего стремления к свободе, с точным осознанием смерти не только бога, но и любого другого источника смысла. Сейчас очевидно, что мир устроен куда сложнее, чем нам казалось, и что он ближе к нарушению структур, чем к порядку.

Признаюсь, я о многом не упомянул, и люди, которые знакомы с темой, могут увидеть недостающие логические звенья, но стоит понимать, что я включил эту часть в свои рассуждения только с целью ознакомления читателя только с базовыми понятиями, необходимыми для верного понимания данного термина.